

Андрей Борисович Троицкий

Черный бумер

Серия «Бумер», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=131446

Аннотация

Этот роман не разочарует поклонников старого доброго «Бумера». Герои книги нормальные современные люди, которых достали рутина повседневной жизни. Недостаток адреналина надо компенсировать острыми ощущениями, и жизнь подбрасывает такой шанс. Любители остросюжетного триллера найдут в книге все, что просит их душа. По мнению автора, книга была опубликована раньше времени. Первоначально задумывалось так, что сначала будет опубликован «Бумер – 2», а за ним «Черный бумер». Тогда в событиях будет определенная последовательность. С другой стороны, – читатель сам все расставит по своим местам.

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	27
Глава третья	49
Глава четвертая	75
Глава пятая	97
Глава шестая	120
Глава седьмая	138
Конец ознакомительного фрагмента.	140

Андрей Троицкий

Черный Бумер

Глава первая

В ночной тишине звук автомобильного двигателя слышен издали. Самое время отойти ко сну, костер отгорел, последняя искра улетела в темно синее небо и вдруг этот проклятый шум. Саша Бобрик уже сходил к мотоциклу вытащил из сумки, пристегнутой к седлу, протертое покрывало. Расстелил его, вытянулся на спине, подложив под голову кожаную куртку и скрестив руки на груди.

Сейчас, когда все пиво выпито, от костра остался только теплый пепел, самое время рассказать душераздирающую байку, например, о мертвом мотоциклисте, который ночами ездит по пустошам и отравленной ядом железной пикой протыкает путников, которые сдуру заночевали в поле. Конечно, это лишь глупая байка, но Петьке Гудкову и такая ахинея может испортить сон. Он слишком впечатлительный.

– Слышь, а ты историю о мертвом мотоциклисте знаешь?

– Пошел ты со своими историями, – Петька зашевелился в своем спальнике, расстегнул молнию, потому что летней ночью в этой постели можно сдохнуть от жары. – Прошлый раз ты травил какую-то хреномудию про блуждающие огни.

Теперь дохлый мотоциклист появился. Это бодяга для детей или дебилов.

– Ну, это как сказать, – загадочно усмехнулся Сашка.

Шум автомобиля сделался ближе, но Бобрик не обращал на него внимания. Он чувствовал кожей тепло, накопившееся в земле за долгий жаркий день, и наблюдал за бледным месяцем, выплывшим из-за облака. Если поднять палец, совместив его с острыми краями месяца, получится буква Р, значит, ночное светило растет, через три недели превратится в полную луну. Если получится буковка С, значит, луна стареет.

Закончить астрономические эксперименты помешал Петя Гудков. Он заворочался на своем спальнике и сказал:

– Мерседес идет.

– С чего ты решил, что именно мерс?

– Потому что всю жизнь, сколько себя помню, копаюсь в автомобильных движках, – Гудкову захотелось немного пошевелить языком. – В армии служил в автомобильном батальоне. Работал на автосервисе. А потом в гараже страховой компании. Теперь опустился до водителя персональщика. И вот катаю задницу одного кренделя, вице-президента коммерческого банка. И мерс узнаю с закрытыми глазами. Тачка где-то рядом.

– Не глухой, слышу. Но мы, тоже, между прочим, не на дороге лежим. Нас не переедет.

– И чего им не спится? – проворчал Гудков. – Четверть

часа назад одна машина прошла, теперь вторая. Кажется, по этому проселку лет сто никто не ездил. А тут, блин, по ночам такое движение.

Грунтовая дорога проходила внизу, по дну глубокого оврага, чтобы посмотреть, что за машина среди ночи колесит по округе, надо встать и прошагать метров двадцать до того места, где начинается откос. Звук двигателя сделался еще ближе, теперь слышно, как из-под покрышек вылетают мелкие камушки. Бобрик сел и, нащарив в сумке мятую пачку сигарет, закурил. Невидимая машина проехала мимо, снова наступила тишина. Бобрик смолил сигарету, наблюдая, как в темные окна постройки, стоявший в ста пятидесяти метрах выше по склону, засветились тусклым оранжевым светом, будто кто-то зажег фитиль керосиновой лампы или фонарь с дохлыми батарейками. Свет мерцал, кажется, готовый погаснуть. Травить страшные байки почему-то расхотелось, сон как рукой сняло.

Саша вертел головой из стороны в сторону, рассматривая местность. Впереди и справа неровное поле, уходящее вниз, упиралось в жидкие лесопосадки. Слева склон оврага, наверху какое-то обветшавшее строение, напоминавшее то ли брошенный коровник, то ли сенной сарай. Бобрик рассмотрел постройку еще при свете солнца. Облупившаяся штукатурка стен обнажила серый силикатный кирпич, ржавые створки ворот едва держатся на петлях, окна выломаны, куски листового железа с крыши, видно, растащили по дворам

жители ближайшей деревни. Удивительно, что сам сарай на кирпичи не разобрали.

Сейчас Бобрик жалел, что выбрали для ночевки именно это место, какое-то странное, беспокойное. Вечером они с Гудковым остановились на грунтовке, решив, что самое время тормознуть, потому что силы на исходе. Затащили мотоциклы на склон оврага, подкрепились бутербродами с пивом и растянулись на сохлой траве. Там видно будет, что делать: заночевать прямо тут или возвращаться обратно в Москву, на рывке преодолев расстояние в двести пятьдесят верст. После ужина, когда солнце краем коснулось вершин чахлых сосен на краю поля, Гудков сказал, что лично он никуда дальше не попрется.

Спать в поле не впервой, с рассветом поедут обратно. Бобрик кивнул, вытащил из дорожной сумки транзисторный приемник, повертел ручку настройки, дождался прогноза погоды. Ночью обещали кратковременные дожди. Но то в Москве. А они здесь, судя по атласу автомобильных дорог, где-то на границе Московской и Рязанской областей. Бобрик решил: в крайнем случае, если дождь все-таки ливанет, можно перебраться в тот брошенный сарай. И пошел к посадкам, собирать дровишек на костер.

Огонь в окнах вспыхнул ярко, теперь он не мерцал. Видно, врубили автомобильные фары. Месяц спрятался за прозрачным облаком. Бобрик хотел прикурить новую сигарету, но теплый ветер донес человеческий крик. Кажется, «помо-

гите». Голос стих, но вслед завывла собака. Или снова человек...

– Слышал? – хриплым шепотом спросил Бобрик. – Вроде на помощь зовут. Или чего...

– Брось, Боб, – ответил Петька. – Кого тут звать? Местные пацаны с телками развлекаются. Ну, приехали в этот сарай. Все лучше, чем в поле голым задом сверкать.

– Ну-ну, телки... Только у этих телок почему-то голоса мужские. А Мерседес для деревенской урлы это как? Не слишком круто? А воет кто?

– Пошел ты, Боб, со своими вопросами. Прикалываются парни. Друг друга пугают.

Не поверив в собственное объяснение, Гудков вылез из спального мешка, поднялся на ноги, выставив вперед ухо, замер. Вой прекратился, снова человек что-то прокричал. Вслед за последним криком раздались еще какие-то невнятные шумы. На несколько секунд все стихло. Потом долетели человеческие голоса, разговаривали на повышенных тонах, но слов не понять. И снова тонкий истошный крик. Мужик так кричать не станет. Петька бросился к мотоциклу, повалив его на землю, прикрыл спальным мешком. Бобрик догадался, что делать. Навалился грудью на свой мотоцикл, опрокинув на траву, бросился обратно за расстрелянным на земле покрывалом. Огонь костра давно погас, а вот мотоциклы видны издали, хромированные детали светятся даже под блеклым светом месяца. С откоса их могут заметить.

– Ну, чего теперь скажешь? – прошептал Бобрик. – Думаешь, опять развлекаются?

– Не хрена тут думать. Пошли, разберемся.

Гудков, встав на колени, вывалил им сумки шмотки, нашарил под картонным днищем арматурный прут, с которым в поездках не расставался. Взмахнул им в воздухе, примериваясь для удара по невидимому противнику. Бобрик вытащил из кармана выкидной нож, щелкнула кнопкой, в свете месяца сверкнула заточка лезвия. Перышко так себе оружие, но это лучше, чем ничего.

Пригнувшись, Петька Гудков быстро зашагал к сараю. Бобрик натянул кожанку и, перекладывая выкидуху из руки в руку, направился следом. Давно не знавшая дождей земля сделалась твердой, как асфальт, сухая высокая трава вязала ноги, а мелкий кустарник местами образовывал непроходимые заросли. Чтобы в клочья не разодрать штаны, пришлось взять левее. Тут трава оказалась низкой, и кустов совсем не попадалось, идти стало легче. Пологий склон плавно поднимался вверх. Чем ближе подбирались к сараю, тем медленнее шагал и ниже пригибался Гудков. Когда до цели оставалось всего ничего, снова завывла то ли женщина.

Петька остановился, оглянулся на приятеля.

– Зайдем с той стороны, – Гудков пальцем показал на крайнее окно в дальнем углу сарая, его голос дрогнул от волнения. – Там света меньше. Сперва глянуть надо, что творится. А потом уж... По обстановке.

– Топай, – кивнул Бобрик.

Он хотел что-то добавить, но услышал близкие сухие хлопки, будто там, в сарае, кто-то баловался петардами. Несколько секунд тишины и еще два пистолетных выстрела. Даже в темноте заметно, что лицо Петьки сделалось серым, похожим на резиновую маску. Кажется, в эту секунду он был готов повернуть обратно. Петька ненавидел душевные колебания, вопросы типа «быть или не быть», он презирал трусов, но лезть под пули с железным прутom в руке, это уже из области идиотизма. Бобрик словно прочитал его мысли: надо бы повернуть, обязательно надо...

Но вместо этого Петька еще быстрее зашагал вперед. Через минуту приятели пролезли между молодых березок, разросшихся по краю оврага, присели на корточки под оконным проемом, прислушиваясь к звукам.

Сарай большой, метров семьдесят в длину, главные события разворачивались в противоположной стороне, у распахнутых ворот. Далековато. Но тишина такая, что человеческие голоса слышны отчетливо.

– Ну, чего ты добиваешься? – мужчина говорил приятным низким баритоном. – Хочешь, чтобы тебя разрезали на сто кусков. А твои мать получили адреса, где они лежат. Или мне позаботиться о том, чтобы Зоя, гражданская жена, больше

не ходила по улицам. Тяжелая травма, обезображенное лицо, инвалидное кресло. Самое то для молодой бабы.

Минута напряженной тишины, слышны тихие стоны. Наконец собеседник ответил тонким петушиным голосом. Видимо, кричала не женщина, этот самый мужик, которому бы в хоре тенором петь.

– Ничего, зато чужие мужики не станут клеиться, – человек засмеялся странным булькающим смехом. – Так мне спокойнее будет.

– Николай, друг мой хороший... Ну, что мне сделать, чтобы ты открыл свою паршивую пасть. И сказал несколько слов, которые я хочу услышать.

– Ни хрена... Ни хрена ты не добьешься. Только кровью испачкаешься.

– Я не гордый. И не брезгливый.

– Ты крутой, мать твою. Хочешь казаться крутым.

– Мне это все говорят. Давай к делу.

Бобрик мертвой хваткой зажал в потной ладони рукоятку ножа, но, спохватившись, закрыл его и сунул бесполезную вещь в карман. Привстав, заглянул внутрь через оконный проем. Сарай освещен автомобильными фарами. Земляной пол завален кирпичной крошкой, каким-то мусором. В ворота заехали светлый фургон «Фольксваген» и темный БМВ, вовсе не «ауди». Четверо мужчин перетаскивали и складывали в грузовом отделении «Фольксвагена» продолговатые ящики, сколоченные из потемневших досок. Люди не

торопились, потому что никуда не опаздывали.

Метрах в пятнадцать от окна лежал мужчина без штанов и нижнего белья. Из одежды только майка, задранный до подбородка. На груди и бедрах потеки крови и темные полосы грязи. Рот черный, как гнилое дуло, будто человек уже успел проглотить все выбитые зубы. Мужик находился в беспомощном положении: запястья то ли связаны проволокой, то ли скованы наручниками. Руки заведены за голову и прикручены к опорному столбу. Бобрик щурился от света автомобильных фар, стараясь разглядеть лицо жертвы.

У противоположной стены наискосок от окна сидел мужчина. Он привалился спиной к стене, широко расставил ноги, козырек серой кепки сполз на глаза, подборок опущен на грудь. Человек утомился после трудного дня и выбрал минутку, чтобы подремать. Так могло показаться, если бы не лицо мужчины, распухшее и посиневшее от побоев. Пуговицы светлой сорочки, от ворота до живота залитой кровью, оторваны, на голой груди отчетливо видны глубокие отметины ножевых ранений. Еще один человек лежал возле кучи мусора. Этот был еще живой. Согнув колени и подтянув ноги к груди, он окровавленными ладонями держался за живот и едва слышно стонал. Своими стонами он не вымаливал пощады, но молча терпеть боль не мог.

– Не будет никакого дела, – сказал Николай. – Я лучше сдохну, мать твою...

– Заткнись. И не хрена тут свое дерьмо разбрасывать. Ту-

пой идиот. У меня нет настроения валять дурака и заниматься херней.

Человек, сидевший на корточках, разговаривал и набирал в ладонь грязноватый песок, а потом сыпал эту гадость на грудь раненого. Но вот мужик бросил свое занятие, обернулся назад, приподнял руку. Кто-то вложил в открытую ладонь отвертку с массивной рукояткой. Короткий замах, и кончик отвертки вошел в икроножную мышцу лежавшего на земле человека. Вскрикнув, Николай завертелся, будто под зад подложили горячую сковородку, он выгибал спину, мычал и тянул руки вниз, словно надеялся разорвать проволоку. Люди, закончив с погрузкой ящиков, встали в стороне.

Гудков дернул Бобрика за локоть вниз.

– Ну, чего там?

– Одного мужика натурально режут, – прошептал Бобрик. – А двое уже кажется того... Отмучались. И еще какие-то ящики перетаскивали в фургон.

– Сколько их там?

– Ящиков?

– Людей, придурок.

– Я видел пятерых. Все, надо сваливать. Иначе и нас тут положат рядом с теми мертвяками. Спустимся к мотоциклам, тихо скатим их к дороге. И по газам. До ментов доедем, а там...

– Подожди, Боб, – покачал головой Гудков. – Я быстро гляну. И уходим.

Он приподнялся, осторожно заглянул в сарай.

– Спокойно. К чему лишний шум? – человек в темной куртке снова поднял отвертку над головой, но не ударил. – До утра времени много. Мы все успеем. Кстати, где бабло, которое ты от меня получил?

– До денег тебе не добраться, – преодолевая боль и страх, человек старался выглядеть достойно. – Они на депозите. Банковский договор заключен так, что снять их в этом году нельзя. Короче, ты их не увидишь.

– Я с этим смирился. Ну, твое решение. Я жду.

В ответ молчание. Человек бросил отвертку на землю. Распахнув куртку, вытащил сапожный нож с широким скошенным клинком. Николай снова закричал. Крик оказался таким долгим и громким, что, кажется, заложило уши.

– Хорошо, забирай свое дерьмо, – крикнул Николай. Хрен поймешь: то ли он больше не мог бороться с болью и самим собой, то ли в голову пришла спасительная идея. – Это в моем доме в Сергиевом Посаде.

– Адрес, мать твою? Адрес дома?

Николай назвал адрес и добавил:

– Вскроешь доски пола на веранде. Там все найдешь.

– Ну вот, так бы сразу.

– Только учти: ты не сможешь меня замочить. Не сможешь... Потому что мои слова еще нужно проверить. А если эта хрень в другом месте, не там, а? Вдруг я тебя натянул? Если кидняк? Нет, мочкануть меня нельзя.

Николай не мог говорить дальше, он закашлялся, плюнул кровью на голую грудь.

– Ты хочешь сказать, что я повезу тебя в Сергиев Посад? В таком состоянии? Ты все равно не доедешь. По дороге кровью изойдешь.

– Надо всего лишь наложить повязки. Раны ерундовые. Всего лишь глубокие царапины. Кровищи много, но артерии не задеты. Я крепкий. Мне ведь положены премиальные за эту информацию. Я хочу еще немного попыхтеть на этом свете.

Человек в темной куртке выразительно поморщился и сплюнул сквозь зубы.

– Брось, не в жилу сейчас это качалово. Ты сам себя закопал. И не о чем базарить. Мы все проверим здесь и сейчас. Ни один дятел в твоём положении не станет врать.

– Не надо, – тонкий голос, кажется, готов лопнуть, как перетянутая струна. – Я правду сказал. Не надо. Только не делай этого. Нет, мать твою, сука. Лучше пристрели меня... Хватит...

Гудков присел на корточки, дальше смотреть не мог. Крики, наверное, слышны на другом конце поля. Но вот голос сделался тише. Мужчина матерился, повторял слово «правда» и просил его пристрелить. Минутная тишина. На этот раз закричал тот мужик с приятным баритоном.

– Эй, кто-нибудь, дайте топор. Ну, что вы стоите, как соляные столбы. Кто-нибудь, мать вашу, дайте топор. Скорее.

Хлопнули дверцы автомобиля. Послушались странные звуки, будто на каменный пол несколько раз уронили большой качан капусты. Человек завыл по-собачьи и замолчал, наверное, вырубился. Бобрик слушал какие-то вопросы, но вместо ответов доносились странные булькающие звуки. От волнения он перестал разбирать слова.

– Фу, блин, сейчас меня вывернет вчерашним обедом, – Гудков хотел сплюнуть, но не мог, в горле пересохло, как в пустыне перед сезоном дождей. – Пошли, отсюда на хрен... Пока целы.

Гудков, сжимая в руке арматурный прут и согнувшись пополам, стал отступать в темноту. Бобрик, шепотом матерясь, поплелся следом. Вот же приключение, пропади оно пропадом. До молодых березок оставалось буквально пять шагов, когда ниоткуда, словно соткавшись из ночного мрака, появилась человеческая фигура. Среднего роста мужик, видимо, из этой самой компании, коротая время, бродил вокруг сарая или отливал на молодые деревца. И нос к носу столкнулся с Петькой Гудковым, идущим впереди.

Бобрик, даже не успевший испугаться, видел все происходящее слишком плохо. Месяц снова спрятался за тучу, а двух шагах от сарая уже начиналось полоса почти непроглядной темноты. Человек, попятился, сунул руку под пиджак,

видимо, таскал ствол в подплечной кобуре. Но Петька не дал противнику вытащить пушку, он резко занес над головой железный прут и рубанул им, как топором, сверху вниз. Противник, спасаясь от удара, успел выставить вперед предплечья, вскрикнул от боли. Петька снова ударил, на этот раз напрямик сбоку, по голове. От этого удара не было спасения.

— А-а-а, — человек опустился на колени, схватившись за голову, замер, словно ждал нового удара. — А-а-а-а...

Петька бросил кусок арматуры и, сломя голову, понесся вниз по склону. Бобрик, перепрыгнув человека, растянувшегося на земле, бросился следом. Он мчался вниз, ускоряясь на бегу, слыша за спиной крики того мужика, чья-то голова и возню. Через несколько мгновений все звуки пропали, только ветер свистел в ушах, и сердце молотилось в груди, как собачий хвост. Бобрик видел перед собой темную спину Гудкова и мысленно молился о том, чтобы приятель не перепутал направление движения. И еще чтобы самому не споткнуться. Стоит только растянуться на земле, потерять несколько секунд, и его шансы выбраться живым из этой истории из выигрышных превращаются в сомнительные.

Спиной Бобрик угадывал какое-то движение. Что делают те парни из сарая? Уже бросились вдогонку или прицеливаются, чтобы шмальнуть, пуля быстрее догонит. Он не успел додумать мысль, резко остановился, едва не налетев на Гудкова. Тот ползал по земле, запихивая в сумку вещи, которые недавно вытряхнул, и шептал:

– Блядская муха, тут мои документы. Их нельзя оставлять... Документы, мать их.

Бобрик сорвал тряпку со своего мотоцикла, отбросив ее подальше. Через секунду он уже был в седле.

– Помочь? – крикнул Бобрик.

Петька не ответил, он привел мотоцикл в вертикальное положение, засунул сумку в задний кофр. Прижал рычаг к рукоятке руля, врубил вторую передачу. На неровном поле аппарат завибрировал, загромыхал, как железный ящик с гвоздями. Пришлось включить фары хотя бы для того, чтобы понять, в какую сторону они держат путь. Теперь о маскировке нет речи. С косогора видят двух мотоциклистов, следят за ними. И теперь жди погони.

Бобрик застегнул шлем и тронулся следом. Через мгновение колеса оторвались от земли, с откоса на дорогу мотоциклы слетели, как с трамплина, на космической скорости. Аппарат Бобрика клюнул носом, едва не перевернулся, подмяв под себя седока, но, вильнув в сторону, удержался на дороге. Мотоцикл снова тряхнуло, на этот раз колесо наскочило на высокую кочку, пружины амортизаторов выдержали нагрузку, правда, Бобрик едва не вылетел из седла. Его снесло назад, напрягая все силы, он подтянулся ближе к рулю, выжал газ.

Сколько времени минуло с тех пор, как они сделали ноги, попутно вклеив железным прутom мужику, попавшемуся на дороге? Четверть часа? Десять минут? Или всего лишь

минута? Трудно ответить. Теперь Бобрик видел свет фонаря идущего впереди мотоцикла и стрелку тахометра, которая перла вперед, накручивая обороты движка. Без малого полторы тысячи. Отличный показатель, если едешь ночью по грунтовке. В зеркальце заднего вида только крошечная темнота, значит, погони нет. Пока нет.

Вскоре мотоциклы вырвались на узкую дорогу с асфальтовым покрытием. Петька увеличил скорость до сотни с копейками. Бобрик, едва поспевший за приятелем, наклонил корпус вперед, напряжение передалось через руль на подвеску и переднее колесо. Мотоцикл стал погуливать, но мотор плавно набирал обороты. Кажется, ушли, – решил Бобрик и, мысленно осенил себя крестным знаменем.

В это утро начальник поселкового отделения милиции капитан Юрий Иванович Зубков попал не к восьми утра, как обычно, а на два с половиной часа раньше. От частного дома до работы всего восемь с половиной минут ходьбы, это проверено сто один раз. Своим ключом он открыл служебную дверь отделения милиции, выходящую не на площадь, а на узкую улицу имени летчика Запольского. Темным коридором дошагал до дежурной части, темной комнатенки, отделенной от коридора деревянной перегородкой без стекла. Махнул рукой прапорщику Олегу Гуревичу, просидевшему

за канцелярским столом последние восемь часов, мол, сиди, как сидел.

– Есть улов? – спросил капитан.

– Так, мелочь, – Олег махнул рукой. – Запер в камере нескольких пьянчужек. Чтобы отоспались тут. Второй день говорят, что в округе объявилась бешеная собака. Здоровый такой кобель, серой масти. Если наших алкашей сонных покусает, поселок останется совсем без мужского населения. Вот и весь улов.

– Хорошо, – кивнул капитан. – Теперь рассказывай.

Оседлав жесткий стул, Зубков прикурил сигарету. Он пропустил мимо ушей большую часть рассказа, все это уже слышал час назад, когда на прикроватной тумбочке зазвонил телефон, и Гуревич забухтел в трубку что-то невразумительное. Полчаса назад капитан сел на кровати и, помотав тяжелой сонной головой, заставил прапора повторить рассказ. Выслушав, сказал, что оденется и сам подойдет в отделение. Зубков, раздетый до трусов, выскочил с крыльца на огород, добежал до угла рубленного пятистенка и, зачерпнув холодной воды из бочки, выкатил на себя пару ведер. И только тогда проснулся окончательно.

Четвертый год он здесь в начальниках, но на его территории еще не случалось жестоких убийств. И вдруг в каком-то там богом забытом сенном сарае ночью на тот свет спровадили сразу троих мужиков. Конечно, если верить на слово двум парням мотоциклистам, которые еще засветло привез-

ли с это известие к дежурному по отделению милиции.

– Мотоциклисты сразу приехали сюда?

– Нет, до нас они побывали в трех деревнях. Разбудили людей, но их послали подальше. Кому охота ввязываться в темные истории. В Подосинках участковый инспектор Первухин сказал, что надо к нам пилить, в рабочий поселок. Потому как это наша территория. Вот они и припилили.

– Очень грамотный этот Первухин, – закипел гневом капитан. – Наша территория, ваша территория... Все он знает, чертов мухомор. Позже напомни мне, чтобы я ему вставил. Если подошли годы, сиди на пенсии. Копай картошку и разводи кур на продажу. Ментовка не собес. А Первухину лень свою старую жопу поднять. Хоть бы позвонил. Козел.

Прапорщик Гуревич расстелил на письменном столе карту, карандашом нарисовал на ней кружок и точку внутри него.

– Это вот здесь случилось, – сказал он.

– Еще ничего не случилось, – поправил капитан. – Пока одни разговоры в пользу малоимущих. Базар – вокзал на пустом месте.

– Так точно, – согласился прапор. – Это земли бывшего совхоза «Красный путь», ныне акционерное общество «Вымпел». Я позвонил председателю этого АО, поднял мужика с постели. Но ни словом не обмолвился о происшествии. Короче, санными сараями никто не пользовался уже лет пять, а то и больше. Раньше там было большое стадо. Но

скот весь давно забили. Выращивают рапс, сою и зерновые. Поэтому сараи без надобности.

– Взял заявления у этих парней?

– Само собой, накатали, – кивнул прапор. – Но еще не регистрировал.

Покосившись на журнал регистрации происшествий, прапор вытащил из ящика и положил на край стола три листки бумаги, исписанные бисерным старушечьим почерком. «Я, Гудков Петр Олегович, двадцати шести лет, проживающий по адресу: Москва, Шоссе Энтузиастов... Я, Бобрик Александр Иванович, двадцати пяти лет, прописанный в городе Никольске по адресу... Предупреждены об ответственности за ложный донос... Делаем следующее заявление... По выходным мы иногда выезжаем на мотоциклах за город, чтобы проветриться. Если забираемся слишком далеко, обратно в Москву не возвращаемся, ночуем на природе. В этот раз мы не разбивали палатку, потому что слишком устали. Перекусили и хотели поспать до утра. Около двух часов ночи по грунтовой дороге, что идет по дну оврага, проследовали первая машина, предположительно грузовой фургон „Фольксваген“. Спустя четверть часа проехал темный БМВ. Позднее мы видели эти машины. Они стояли в сарае с включенными фарами, свет бил в лицо, поэтому номеров мы не разглядели. В два с четверть ночи мы слышали крики о помощи, доносившиеся из сарая, и побежали вверх, чтобы помочь...»

Капитан, слюнявя палец, переворачивал листки, пробегал взглядом строчки и качал головой. Странно все это. Похоже на бандитскую разборку. Среди местных парней и мужиков много шпаны и хулиганья, но никто из этих бакланов никогда не совершит жестокого убийства с применением пыток, кишка тонка. Да и автомобилей БМВ седьмой серии во всем районе по пальцам считать. Значит, действовали не местные знаменитости, а залетные бандюки, предположительно из Москвы. Но зачем московским бандитам катить две с половиной сотни верст в соседнюю область, неужели в городе или в ближнем Подмоскovie совсем не осталось мест, где можно спокойно пострелять и порезать друг друга? Что ж, в таком случае дела нашей дорогой столицы совсем плохи.

В глубокой задумчивости капитан дочитал две последние строчки. Подписи мотоциклистов и приписку, сделанную другим почерком. «Заявление принял прапорщик милиции Гуревич».

– Заявления пока не регистрируй, – приказал Зубков. – Мне самому надо побывать на месте. Если показания подтвердятся, обнаружим хотя бы одно тело, созвонюсь с районным прокурором. А то поднимем раньше времени крик и шум: у нас три трупа, ля-ля три рубля. И осраимся хуже жуликов. В районе пальцами будут показывать, прохода не

дадут...

– Похоже, ребята не врут. Какой им смысл?

– Давай без рассуждений. Поисками смысла занимайся в свободное от службы время. Эти мотоциклисты случайно не дачные? Не обкуренные?

– Ни боже мой.

– Где они?

– На улице гуляют.

– Хорошо, – капитан задумался: сезон отпускной, милиционеров в поселке всего четверо, это если считать самого Зубкова. – Позвони сержанта Косенко. Скажешь, капитан приказал прибыть сюда. Срочно. Пусть выгонит с заднего двора на площадь «уазик» и держит его под парами. Надо взять из оружейки два автомата и боекомплект. Плюс броуинг.

– А я как же, товарищ капитан? Ведь я же...

– На хозяйстве останешься, – свел брови Зубков. – Должен кто-нибудь выпустить тех ханыг, которых ты, великий гуманист, запер на ночь. Спас от бешеной собаки.

– Но ведь я...

В голосе прапорщика жалобные нотки. Он возился с мотоциклистами, помогая им правильно составить заявление, внимательно выслушал их, поднял с постели капитана. Так старался, что едва в лепешку не расшибся. Другой дежурный, тот же Косенко, и разговаривать с парнями не стал, даже дверь бы не открыл. Пусть себе сидят на холодке остаток

ночи и ждут начала рабочего дня, начальство разберется, кто кого пострелял.

А Гуревич как настоящий следователь прокуратуры снял показания, правильно протоколы заявления. И вот выкусил хрен с маком. Сослуживцы выедут на место происшествия, проведут его осмотр, найдут вещдоки. Возможно, схлестнутся с настоящими бандитами и убийцами. Гуревич готов к этой жестокой схватке. Как-никак в армии он не на каптерке отирался, не сухие пайки и подштанники солдатам выдавал, всю дорогу охранял строгую зону, набитую особо опасными преступниками, бандитами и убийцами. Отличник боевой и политической подготовки. Дембельнувшись, окончил среднюю школу милиции. И с физкультурой в хороших отношениях, призер двух областных спартакиад. По большому счету, Гуревич весь из себя такой хороший, такой правильный, такой честный, что самому иногда тошно становится.

Правда, в захолустном поселке его талантам развернуться. Когда вокруг одна бытовуха, мелкая хулиганка, воровство кур и тряпья, до великого сыщика не поднимешься. Но вот он шанс проявить себя. Шанс и облом... Гуревичу придется пропустить самое интересное, самое захватывающее событие, ему снова париться в этом клоповнике, гадать кроссворд и выпускать из камеры проспавшихся алкашей. Обидно до слез.

– Товарищ капитан...

– Ладно. Косенко останется за тебя, – сжалился Зубков.

Он вышел из дежурки, через зарешеченное окно выглянул на площадь. Над поселком в муках рождалось раннее утро, солнце не поднялось над пожарной каланчей, шпиль которой торчал посередине поселка, ни одна собака еще не проснулась. Чистота и пустота. Только у крыльца стояли два запыленных мотоцикла. На лавочке перед входом в отделение, подложив под голову кожаную куртку, вытянулся долговзый парень лет двадцати с хвостиком. Второй мотоциклист нарезал круги возле пыльного палисадника. Он вертел в руках красный шлем с синей полосой и шевелил губами, разговаривая сам с собой. То ли молился, то ли матерился.

Капитан, спустившись на две ступеньки, отодвинул щеколду двери, высунувшись, поманил парня пальцем. Надо убедиться, что московские гости не под кайфом, заодно уж задать им несколько вопросов.

– Оба сюда, – приказал Зубков. – Поживее, граждане.

Малый толкнул коленом задремавшего на лавочке приятеля.

– Пошли, Петька.

Глава вторая

– Моя сдача, – сказал мордастый малый по имени Алексей, он перетасовал колоду карт, Элвис снял. Алексей положил перед собой и перед партнером по две карты.

На столе высилась высокая стопка мятых купюр.

– Можно окна открыть? – спросил Элвис. – Несет тут у вас откуда-то благовониями, как в индуистском монастыре.

– По ночам окна открывать не разрешает хозяин.

Алексей вытер лоснящееся от пота лицо носовым платком. Чертыхнувшись, Элвис взял со стола три карты.

– Еще одну, – сказал он.

– Я открываюсь, – сказал Алексей и положил карты вниз рубашками. Девятнадцать очков.

– У меня двадцатник, – Элвис бросил на стол свои карты, и сгрэб деньги в одну кучу. – Еще партию?

– Я голяк, – сказал Алексей и перевел взгляд на Вадима, сидевшего в дальнем углу дивана. – Займи мне еще пятьдесят гринов.

– Я уже тебе все отдал, – сказал Вадим. – Завтра машину заправить не на что. Хоть на паперть иди.

– Сыграем на ту телку? – спросил Элвис. – Ну, которую я немного поимел. Будет твоя сдача.

Алексей перевел взгляд на напарника и в нерешительности пожал плечами.

– Ты что, мать твою чокнутый или совсем чокнутый? – заорал Вадим. – Если хозяин узнает о том, что ты просрал девку, тут будет море крови. Нас уроют. И не сообщат родственникам, на какой помойке оставили трупы. Хозяин говорил...

– Ты, наверное, и срешь только с разрешения хозяина? – подначил Элвис.

– Ты позволишь этому хрену себя оскорблять? – Вадим привстал с дивана.

– Заткнись, – пробормотал Алексей, вытер мокрое лицо рукавом рубахи и заглянул в глаза Элвиса. – Сиди и молчи в тряпку, – он перевел взгляд на Элвиса. – Лады, я ставлю эту шмару против всей твоей выручки. Хотя эта девка и сотни не стоит.

– Какого хрена ты делаешь? – заорал Вадим. – Прекрати, идиот. Эта не наша девка. Сколько бы она не стоила, хоть три рубля, ты не можешь ставить ее на кон.

– Заткнись... Если я захочу узнать твое мнение, задница, сам спрошу.

Алексей показал пальцем на деньги. Руки подрагивали, на щеках и шее выступили нездоровые пятна румянца, напоминающие ожоги. В таком состоянии надо отправляться домой, а не браться за карты. Но Алексей уже не мог при тормозить. Он спустил суточную выручку борделя, сам проигрался до копейки и выпотрошил карманы напарника, потому что фортуна повернулась к нему тылом. Теперь можно

взять реванш. Требуется лишь малая капля везения.

– Сколько тут в общей сложности? – Алексей перешел на хриплый шепот. – Две штуки?

– Три триста пятьдесят, – уточнил Элвис. – В пересчете на баксы.

– Хер с ним, – охранник подумал, что по теории вероятности его сопернику не может везти до бесконечности. Это против всех законов, придуманных человечеством. Всему свой предел, особенно карточному фарту. А если этот хрен передергивает на раздаче? Черт знает, за руку его не поймали, значит, все чисто. Но сейчас сдача Алексая. – Путь будет девка. Заберешь эту сучку. Если повезет.

– Играем, – кивнул Элвис.

– А чем тебе эта шлюшка по масти пришлась? У нас есть девочки покруче.

– Ничего круче вы мне не показали, – пожал плечами Элвис. Он не отрывал взгляда от рук соперника.

Леонид Самойлов по прозвищу Элвис оказался в салоне интимных услуг случайно. Наткнувшись в интернете на объявление о шикарных девочках, которые готовы продемонстрировать обеспеченному господину все прелести экзотического секса, попал на крючок. В заведениях подобного рода Самойлов бывал не так уж часто, впереди маячил пу-

стой бесконечно однообразный вечер, в самый раз стряхнуть пыль с ушей и немного встряхнуться. Он сделал телефонный звонок в салон «Орхидея», сел на мотоцикл и через четверть часа оказался в полутемном дворе старого дома в районе Замоскворечья. Вошел в подъезд, поднялся на третий этаж по ступенькам, потому что лифта в доме не оказалось. После долгих расспросов, его пропустили в огромную полутемную прихожую.

Два амбала в белых рубашках, убедившись, что перед ними тот самый человек, что недавно звонил по телефону, провели клиента в гостиную, квадратную комнату, оклеенную бордовыми купеческими обоями, на окне пурпурные шторы. На стенах картины, написанные маслом, какая-то мазня, навевающая эротическое настроение: обнаженные грудастые дамы в обнимку с одетыми мужиками, акт совокупления юной девочки и огромной лохматой собаки и еще что-то в этом же роде. Ближе к двери большой мягкий диван, напротив него большой застекленный буфет, набитый посудой, стаканами и рюмашками разного калибра, бутылками с разноцветным пойлом. Посередине комнаты два кресла и столик со стеклянной столешницей, на котором разбросаны игральные карты, несколько мятых купюр. В стороне, на уголке стола, две запечатанные колоды. До появления гостя охранники резались в карты, ставя на кон карманные деньги.

Отказавшись от крепких напитков, Элвис устроился на диване, закинув ногу на ногу, засмолил сигарету, чтобы не

чувствовать приторный запах каких-то благовоний, сандалового дерева и эфирного масла. Наверное, хозяева бардака считают, что эта сладкая вонь пробуждает в клиентах мужские желания. Один из охранников вырубил верхний свет, включил настенное бра, создав некое подобие интима. Вышел в коридор, громко захлопал в ладоши и крикнул: «Эй, обезьяны, на выход». Через минуту в комнате появились четыре девчонки в прозрачном нижнем белье, они покрутились перед Элвисом, демонстрируя свои прелести. Особо смотреть не на что, и выбирать не из чего, товарищ так себе, не первой свежести и не высокого качества. Девчонки из провинции похожи друг на друга, как инкубаторские куры, только патлы красят разными цветами.

«Вот ты, – сказал Элвис, выбрав самую молоденькую. – Остальные гуляйте». Охранник длинным коридором провел посетителя и девочку в дальнюю комнату, взял деньги вперед, играя в деликатность, поспешил удалиться. Видимо, раньше здесь была большая коммунальная квартира, теперь ее расселили, превратив в доходное заведение. Элвис расстегнул молнию кожанки, надетой на голое тело, стянул кроссовки, под которыми не было носков, сбросил облезлые джинсы. Под штанами не оказалось нижнего белья. Матрас приятно пружинил, а расшатанная кровать поскрипывала в такт телодвижениям. Экзотический секс свелся к тому, что девица пососала большой палец правой ноги клиента, потом переключилась на левую ногу. И шабаш. Все остальное по

старинке.

Вскоре Элвис лежал на спине, разглядывая трещинку на потолке. Он жалел, что заплатил охраннику за всю ночь вперед. Стянув презерватив, бросил его на пол. Нагнувшись, поднял с пола кожанку, вытащил из кармана сигареты и закурил. Он не Казанова и получасовые любовные утехы – эта та точка, дальше которой ехать не очень хочется. Девчонка, прикрыв грудь простынкой, перевернулась на бок и крепко обняла его. Она не симулировала страсть. Видимо, была счастлива от того, что мужик купил целую ночь любви, но быстро насытился и больше не хочет, и теперь ей можно будет отоспаться до утра.

– И давно ты тут кантуешься? – спросил Элвис.

Он подозревал, что не услышит ни слова правды, девка втюхает ему слезоточивую сказку о своей несчастливой судьбе, о злом отчине или брате, которые силком заставили ее освоить древнейшую профессию. И теперь тянут с нее деньги на пропой. Обычное вранье, которым грузят клиентов все шлюхи. То ли на хорошие чаевые рассчитывают, то ли говорить правду давно разучились. Но хотелось хоть с кем-то переброситься словом.

История и вправду оказалась слезоточивой и наивно глупой, и от того похожей на правду. Девчонка якобы жила с родителями в Твери, собиралась поступать в медицинский техникум, в мае вместе с подругой они зашли в одно питейное заведение с танцами, к их столику подвалили два парня из

Москвы, заказали бутылку шампанского и выпили за теплые отношения. А дальше провал памяти, калейдоскоп коротких воспоминаний. Какой-то автомобиль, ночная дорога... Она очнулась на этой вот хате без вещей, без денег, без паспорта. На утро ей выдали под расписку прозрачные трусы, чулки, туфли на шпильке и красный пеньюар, униформу в которой положено встречать гостей. Вечером привели первого клиента, пьяного мужика, который остервенело тискал ее, а потом бросил на пол, улегся сверху. Неожиданно как-то обмяк, разбросав руки по сторонам, захрапел.

Девушка, чувствуя, что задыхается, осмелилась подать голос: «Снимите его с меня. Он уснул». Только через четверть часа явился охранник, за ноги стащил с нее сонного мужика. Клиент, продрав глаза, вышел из комнаты. Но вскоре вернулся, за полчаса отсутствия он успел принять холодный душ, выпить кофе и слегка протрезвел. Все пошло по новой. Девушка снова оказалась на полу, со второй попытки мужик лишил ее девственности и сказал: «Если бы я знал, что ты целка... Не стал бы пачкаться. Набирают вас, сук, не поймешь откуда». Он плюнул на ковер, оделся и ушел. Через полчаса в комнате появился еще один экземпляр, немолодой кавказец, его спина и грудь заросли седой шерстью. Он сел на кровать, расставил ноги и приказал: «Ну, что смотришь? Приступай потихоньку».

Так началась карьера ночной бабочки.

– Хочешь домой? – спросил Элвис, не поверив ни одному

слову.

– Не хочу, – ответила девчонка. – Чего я там не видела?

– Значит, нравится подстилкой работать? – Элвис поставил на грудь пепельницу, раздавил окурок и прикурил новую сигарету. – Хочешь уйти отсюда? Или будешь ноги раздвигать, пока весь набор профессиональных болезней не получишь?

– Куда уходить, к трем вокзалам? – девчонка не обиделась, видимо, за время пребывания в «Орхидее» окончательно разучилась обижаться. – В этом городе я никого не знаю. И кто меня отпустит? У меня нет вещей. Ни одной тряпки кроме чулок и пеньюара. Может, поспим? Уже три часа ночи. Даже половина четвертого.

– Три ночи – мое любимое время, – ответил Элвис. – Раньше пяти утра не засыпаю. А родители тебя не ждут?

– Меня никто не ждет. И кому я нужна после этого? Я живу в рабочем поселке недалеко от Твери. Там ничего от людей не скроешь. Вернуться, чтобы на меня все пальцем показывали? Спасибо, не надо.

Пару минут молчали. Элвис смолил сигарету и смотрел в потолок пустыми глазами.

– Можешь у меня немного пожить, – сказал он. – Пока не найдешь нормальную работу. Сколько ты тут зарабатываешь?

– Живых денег я еще не видела. Говорят, что выдадут в сентябре. Высчитают за двухразовое питание, за красный пе-

нюар, за туфли на шпильке. За то, за се... Не хочу об этом. А что у тебя на плече за татуировка? Красивая.

Не ответив, Элвис поднялся, натянул штаны и вышел из комнаты, пообещав, что вернется с пивом. Он остановился посередине коридора, вернулся обратно и, распахнув дверь, заглянул в комнату:

– Забыл спросить: зовут-то тебя как?

– Изольда, – девушка сидела на крае кровати и курила. – Только я пиво не люблю. Возьми мне фруктовой воды. Ну, если денег не жалко.

– Я спрашиваю, как твое настоящее имя, а не бордельная кликуха.

– Лена, – девчонка положила в пепельницу окурочек и плюнула на него.

В большой комнате скучали два охранника, рассевшись в креслах, они разложили карты на журнальном столе. Игра шла с переменным успехом. Элвис встал в дверях.

– Пиво у вас имеется? Тогда давай полдюжины. В глотке пересохло.

Один из охранников уныло побрел на кухню, к холодильнику. Элвис сел в освободившееся кресло.

– Во что играем? – спросил он другого парня, носившего тоненькие усики.

– В рамс, – парень бросил колоду на стол. – А ты уже закруглился?

– Что мне всю ночь девочку мочалить? – Элвис взял колоду, потасовал карты. – Не желаешь со мной замесить?

– Можно, – самоуверенно улыбнулся усатый. – Только не уважаю фраерские игры. Никаких там преферансов и прочего.

– В очко? – спросил Элвис.

– Давай. Но, брат, не советую со мной садиться, – охранник расплылся в улыбке. – По-человечески не советую. По-запрошлую ночь со мной играл один кадр, настоящий профи. Он не продержался и получаса, бабки кончились. Ушел без порток и бумажника.

– Рискну, – сказал Элвис.

– Тогда покажи капусту.

Привстав, Элвис вытянул из заднего кармана потертый бумажник, расстегнув его, продемонстрировал содержимое охраннику.

– Ого... Ты не случайно не управляющий банком? Меня Мишей зовут, – содержимое лопатника мужику понравилось, градус настроение попер вверх. – По сколько на партию заряжаем?

Вернулся второй охранник, поставил на журнальный столик пару открытых бутылок пива, присел на диван, предвкушая хорошее развлечение. Летом клиент не шел, цену на живой товар сбивали полчища заезжих потаскушек индивиду-

лок, работавших без охраны и мамок. Девчонки из «Орхидеи» скучали в своих комнатах, бордель пустовал, и эта непруха будет тянуться до середины осени. С холодами мужики гуртом повалят, успевай открывать и закрывать дверь и деньги считать. А пока одна скука смертная, картежные игры и кофе. Охране не положено на службе даже бутылочку пива пропустить.

Осмотр места происшествия занял менее часа. Капитан Зубков, вытащив ножик, срезал с молодой березки веточку, дважды обошел сенной сарай, рассматривая следы на земле. Он угрюмо молчал, видимо, строил какие-то умозаключения или версии, но ни с кем своими мыслями не делился. Остановившись возле углового окна, капитан заглянул в помещение. Прапорщик и двое парней, приехавших на место не на собственных мотоциклах, а на милицейской канарейке, следовали за офицером.

– Значит, через этот оконный проем вы и наблюдали за происходящим? – капитан заглянул в глаза Бобрика. – Не путаешь?

– Вот тут мы и сидели, – кивнул тот. – Честно говоря, я бы сразу сделал ноги. Если бы они не отнялись от страха.

– Надо же, какой ты пугливый, – проворчал Зубков. – Интересно, как вам удалось остаться незамеченными?

– Во-первых, я далеко не высывывался, – ответил Бобрик.

– А во-вторых?

– Этим мужикам не до меня было. Тот, что истязал жертву, по сторонам не смотрел. Кажется, он думал только о том, чтобы чужой кровью штаны не испачкать. Остальные перетаскивали ящики.

– Еще раз уточни, постарайся вспомнить, что ты увидел, когда один из ящиков открылся? Только не торопись. Тебе надо сосредоточиться.

– С ящика свалилась крышка, – Бобрик, изображая работу мысли, почесал затылок. После пережитых страхов и бессонной ночи он туго соображал. – Самодельный ящик или фабричный, этого я не понял. Вся сцена длилась две секунды. Кажется, в ящике были короткие трубы. Желто-серые. Мужик наклонился, поднял крышку и все... Ящик загрузили в «Газель».

– Ничего не путаешь? Может быть, ты видел оружие, деньги, что-то из этой оперы?

В голосе капитана уже слышались иронические нотки, но Бобрик сделал вид, что не замечает подколов.

– Ничего такого. Короткие трубы. Около метра длиной.

– Может, это были огнеметы «Шмель» или одноразовые гранатометы «Муха»? – капитан и прапор выразительно переглянулись. – Это ведь тоже трубы. Ну, плюс боевая часть.

– Я в армии видел и гранатометы и огнеметы. В нашей части они стояли на вооружении. «Шмель» и «Муха» – они

короче. И диаметр у них гораздо меньше.

— Из какого материала твои трубы? Асбестовые, железные, пластмассовые...

— Не знаю. Они покрашены.

Последние дни августа, а солнце, вставшее над лесом, припекало как в июле, обещая нестерпимо жаркий день. Капитан снял фуражку, платком вытер со лба капельки пота.

— Ясно, — сказал он. — Что ни хрена не ясно. Вот что, парни. Я закончил высшую школу милиции. Знаком с теорией. И практика у меня есть. Прежде чем попасть в эти края, пять лет работал опером в большом городе. Но никогда даже не слышал о том, чтобы людей убивали из-за нескольких никчемных труб. Людей мочат только за деньги. Короче, вы вспоминайте то, что видели. Время у нас есть. Минут десять.

Капитан, углядев в жухлой траве свежий окурок, березовым прутиком передвинул его с места на место и тронулся дальше.

Через распахнутые ворота прошли в сарай, обогнули кучу мусора, и остановились. Земляной пол затоптан, видны четкие следы ботинок с высоким каблуком, какой-то спортивной обуви. Есть и другие следы, но эти не слишком четкие для идентификации или индивидуальной характеристики. У ворот опечатки автомобильных протекторов, не слишком четкие. По земле рассыпаны осколки битого стекла, на куче песка, сквозь который проросла лебеда, женский тапок с матерчатым верхом на резиновой подошве, пустая бутыл-

ка из-под вермута и стакан с треснувшим донышком. Рядом рассохшаяся деревянная бочка с ржавыми ободами.

Дошагав до задней стены, капитан осмотрелся внимательно. Нет ни трупов, ни следов волочения тел по грунту. Зато грязно-серая побелка стены заляпана бурыми пятнами. Присев, Зубков, прутиком отодвинул в сторону старую портянку из мешковины, долго разглядывал штукатурку, покрытую засохшими брызгами крови.

– М-да, – сказал он. – М-да...

Капитан подошел к опорному столбу, опустившись на корточки. На струганном бревне, поддерживающем стропила, тоже полно мелких пятен и потеков крови длиной от пяти до двадцати пяти сантиметров. В нижней части пара глубоких вмятин, будто ударили обухом топора или тяжелым молотком. Капитан поковырял палочкой землю, пропитанную кровью сантиметра на три в глубину. В этом чертовом сарае чувствуешь себя как на бойне. Вот вторая лужа, а вот третья, совсем свежая. Кровь даже успела впитаться в почву, свернулась, покрыв грунт мягкой корочкой. Похоже, что парни не врут. Тут како-то здорово порезали или забили до смерти. Случись это происшествие хотя бы пару месяцев назад, можно было проявить усердие, хотя бы внимательно осмотреть территорию, прилегающую к сараю, опросить жителей ближней деревни. Земля слухами полнится. Авось, кто-то что-то видел...

Но сейчас вся эта бодяга не ко времени. В сентябре пред-

видятся большие изменения в жизни. Старый приятель, чиновник областной администрации, сумел устроить Зубкову перевод в тамошнее управление внутренних дел. И вроде бы все на мази. Осталось подать рапорт, бумаги выправить и немного подождать. Покупателя на свой дом капитан давно нашел. Скоро можно будет получить задаток, паковать чемоданы и с молодой женой перебираться на новое место, но вот на голову свалились эти мотоциклисты. И теперь судьба поворачивается к нему тылом.

События могут пойти по другому сценарию. Начальство из района станет возражать против перевода Зубкова, потому что на нем повиснет нераскрытое дело, у которого мало перспектив. Да что там «мало», это не то слово... Честно сказать: перспектив никаких. Но начальству это до лампочки. Глухарь повиснет на нем, как камень на утопленнике. Охотники на вакантное место в областном управлении внутренних дел быстро найдутся. Пока он будет тут канителиться, другого человека в свободное кресло посадят. И жди потом у моря погоды.

От этих мыслей сделалось тоскливо. Капитал поднял голову, через разобранную крышу виден кусок голубого неба и белые барашки облаков, плывущие навстречу солонцу, в свой завтрашний день.

– Ну, теперь видите, что все без обмана, – Бобрик выступил вперед из-за спины прапорщика Гуревича. – Вот кровь. И вот. И там, на дворе, где мы мужика железным прутом

приложили, кровь осталась.

– Вижу, не слепой, – капитан не хотел и не мог скрыть раздражения. – Вопрос только один: чья это кровь. Свиньи, козла или... Крупного рогатого скота.

– Какого еще скота? – выпучил глаза Бобрик. – И как это, чья кровь? Перед вами стоят два свидетеля убийства.

– Не гони мне дым в жопу, – разозлился Зубков. – Ты полный идиот или только уроки берешь? Пока ясно только одно: тут зарубили не курицу. Что-то покрупнее.

– Но ведь можно провести экспертизу, – сказал Бобрик. – И определить, чья это кровища. Человеческая или собачья.

– Если ты такой умный и грамотный, почему до сих пор не прокурор области, – усмехнулся капитан. – Экспертизу назначают в рамках возбужденного уголовного дела по факту преступления. Но пока нет ни дела, ни трупов, ни фактов, ни самого преступления. Ни черта нет. Только ваш художественный треп и вот эти засохшие лужи. Не исключено, что местного ханыгу собутыльники бритвой пописали. Потерпевший малость очухается, и сам к ним приползет. С заявлением в зубах.

Капитан ткнул прутиком в землю, пропитанную кровью.

– Такое уже случалось, – поддакнул прапорщик, привыкший всегда и во всем соглашаться с начальством. – Прошлый раз шабашники между собой что-то не поделили. Так возле поселкового магазина два дня кровь смывали водой из резиновой кишки. А что случилось, кого порезали, так и не вы-

яснили.

– Что же мы чертей зеленых видели или трупы? – последний раз возмутился Бобрик, он понимал, что капитан уже принял решение, и от своего не отступит. – У меня зрение абсолютное.

– Я не знаю, что ты тут разглядел темной ночью со своим абсолютным зрением. Знаю, что у страха глаза велики.

– Я в прокуратуру пожалуюсь, что вы бандитов покрываете, – выложил последний козырь Бобрик. – Прямо сейчас в область поеду.

– Катись, – равнодушно разрешил капитан, на которого угроза не возымела действия. – Я это дерьмо бочками хаваю. Потому что у меня таких жалобщиков – половина поселка. Все что-то пишут в прокуратуру или сразу губернатору.

– Зря время потеряли, – сказал Бобрик. – Только на работу опоздали.

Все происходящее порядком утомило Гуревича. Семикилограммовый бронежилет, надетый на форменную рубашку, давил грудь, автоматный ремень тянул плечо. Но главное чувство глубокого разочарования, охватившего душу. Бандиты... Убийцы... А тут обычная рутина. Судя по всему, местные мужики среди ночи увели с чужого двора теленка или свинью. И разделали добычу в сарае на мясо. Хорошо хоть капитан, человек опытный, не стал по пустякам тревожить прокуратуру.

Прапорщик потер носовым платком стекло наручных ча-

сов, чтобы ярче блестело. И тяжело вздохнул, подумав, что торгаши совсем потеряли совесть. «Ролекс», купленный на вьетнамском рынке во время последней поездки в Москву, облупился от самоварной позолоты и совсем потерял товарный вид. И это всего за две недели. Даже часы «Чайка», что прослужили Гуревичу долгих пять лет, смотрятся гораздо лучше проклятого «Ролекса». У «Чайки» отвалились стрелки, на корпусе одни царапины, но все равно, в сравнении с «Ролексом» часы как новые. Кроме того, «швейцарец» безбожно врал, то убегал вперед, то отставал. Бывало, совсем останавливался. Неудачная покупка.

Прапорщик, почувствовав под подметкой башмака что-то твердое, шагнул в сторону, поднял с земли пластмассовую шутовину. Положив ее на ладонь, внимательно рассмотрел: предмет похож на колпачок, которым крепят клеммы автомобильных аккумуляторов. Только пластик какой-то необычный, твердый, как камень. Авось, пригодится, Гуревич опустил колпачок в карман брюк.

– Может, заберете заявления? – с надеждой спросил Зубков. – Ну, чего им у нас пылиться? Найдем трупы, тогда прокурор дело возбудит. А вы – главные свидетели. Все хорошо в меру, особенно честность и принципиальность.

– И не подумаем забрать, – упрямо помотал головой Бобрик. – Пусть себе пылятся.

– Короче так, парни, – капитал бросил прутик на землю. – Вы меня очень разочаровали. Сейчас забросим вас обрат-

но в поселок. В милиции выпишем справки вам на работу. Принимали участие в следственных действиях и все такое. Как раз столовая открылась, можете там перекусить. Первый переулок налево от площади, дом три. И дуйте обратно в Москву. Заявления проверим. Если понадобится, вызовем повесткой. Показания снимем. Добро?

– Добро, – процедил Петька Гудков, до сих пор хранивший умное молчание. – Выходит, мы в милицию обратились только для того, чтобы получить никчемную справку и узнать адрес столовой?

В ответ капитан лишь пожал плечами, давая понять, что вопрос риторический, ответа не будет. И, стараясь не испачкать ботинки, зашагал к выходу.

– Мне еще одну, – сказал Элвис. Он взял карту, подумал секунду. – Еще.

Алексей мялся, не мог решить, брать ему карту или можно обжечься, перебрать. Он переводил взгляд с напарника на гостя заведения. Надувал щеки и тяжело дышал, будто только что дернул стометровку.

– У меня очко.

Элвис открыл карты и положил их на стол. Алексей дернулся, словно к его ляжке поднесли оголенный электрический провод. Открыл свои карты, восемнадцать очков. Он

стер ладонью капельку пота, повисшую на усах, и стал молча наблюдать, как посетитель расправляет мятые купюры и рассовывает деньги по отделениям бумажника.

– Я ухожу и забираю девчонку с собой. Отдайте ей вещи, хоть юбочку какую-нибудь, и паспорт, – Элвис, сунув бумажник в карман, взял недопитую бутылку пива, запрокинув горлышко вверх, сделал пару больших глотков. – Будем считать, что бабки я не в карты выиграл. Я забираю те деньги, которые благородное ваше заведение задолжало девочке.

Алексей понемногу отходил от жестокого удара судьбы. Ситуация не так безнадежна, как кажется. Этот странный субъект, голый до пояса, босой с татуировками на плечах, наверняка карточный шулер. Он обул доверчивого охранника, а теперь хочет увести и шалаву. Карточные долги... Кто, какой дурак сказал, что они священны? И как следует поступать с карточными шулерами? У этого козла с татуированной шкурой нет при себе ни ствола, ни даже пера. На нем одни штаны, и в кармане лишь лопатник. Этот парень только с виду такой крутой. Приглядеться повнимательнее, окажется, что он просто домашний мальчик, который никогда не нюхал тяжелого кулака, а, увидев финку, пожалуй, грохнется в обморок от страха.

– Ты вот что, чувак, не торопись, – сказал Алексей. – Тормозни. Задержись на пару минут, ладно? Тебе, наверное, интересно знать, чем занимаются охранники в «Орхидее»?

– Не интересно, – помотал головой Элвис. – К тому же я

все видел своими глазами. Вы караулите шлюх, чтобы не разбежались, пересовываетесь в карты, отвечаете на телефонные звонки. И еще деньги проигрываете клиентам.

Элвис, решив, что разговор может затянуться, вытянул ноги босые и похлопал себя ладонью по голому плоскому животу.

– Не совсем так, – покачал головой Алексей и, когда Элвис отвернулся, подмигнул напарнику Максиму. – Возможно, ты заметил, что у нас солидное заведение, а не привокзальная помойка. Мы тут разбираемся с парнями, которые плохо себя ведут. Понимаешь? Учим их хорошим манерам. А люди приходят разные. Публика пестрая. Много шустрых парней вроде тебя. Доходит?

Максим, сидевший на диване, понял, о чем хочет сказать напарник, и мысленно согласился с ним. Если позволить каждому вахлаку с улицы просто так заявляться сюда, уносить с собой дневную выручку «Орхидеи» и заодно уж забирать самую симпатичную и молоденькую девчонку, то скоро с протянутой рукой по миру пойдешь, да еще огребешь столько неприятностей, что на всю оставшуюся жизнь хватит. Они охранники и должны делать свое дело. Этого козла с татуировками они просто отоварят и спустят вниз башкой с лестницы, чтобы все ступеньки пересчитал, ни одной не пропустил. К тому же посетитель ведет себя, как последний отморозок, развязно и вызывающе нагло. Впечатление такое, что он сам нарывается на драку, хочет крови. Что ж, в

таком случае он пришел, куда надо. И получит все тридцать три удовольствия.

Максим не полез в брючный карман за выкидухой, нож в таком деле плохой помощник. Посетитель мужик здоровый, и надо трезво оценивать свои шансы, если начнется полоскаловка, этот тип запросто успеет насадить на выкидуху самого Максима. Тут надо наверняка. Чтобы не пикнул, не получил ни одного шанса. Максим, улыбаясь, подался чуть вперед, но с дивана не встал. Просунул руку между подушками, кончики пальцев ткнулись во что-то твердое, тут была спрятана монтировка. Надо успеть, пока напарник заговаривает зубы. Когда клиент присосался к пивной бутылке, Максим вытащил монтировку, положил ее слева от себя. Алексей сидел к напарнику лицом и видел все манипуляции с монтировкой. Он на секунду смежил веки, давая знак: валяй, действуй. Максим, крепко обхватив монтировку пятерней, медленно поднялся с дивана.

Ничего не подозревавший клиент сидел к нему в пол-оборота. Алексей переложил монтировку в правую руку, сделал пару шагов вперед. Осталось поднять свое оружие, нанести удар сверху вниз с замахом из-за спины, целя противнику по шее или по голове.

Глава третья

Для осуществления замысла не хватило пары секунд. Гость вдруг оказался на ногах, словно почувствовал опасность. Максим занес руку для удара, но Элвис уже повернулся к нему лицом, блокировал правую руку противника в момент замаха, захватил ее в районе запястья левой рукой, а правой крепко вцепился в локоть. И нанес резкий удар коленом в пах. Показалось, между ног ударили пудовой гирей. Максим, охнув от боли, выронил оружие, тут же получил заднюю подножку и рухнул спиной на пол.

Показалось, что бронзовая люстра с хрустальными цацками задрожала, на мгновение погасла, затем ярко вспыхнула, ослепив Максима. Но то был не электрический свет, это Максим получил топчущий удар пяткой в грудь, а затем стопой в лицо – из глаз брызнули слезы боли. Алексей, ставший свидетелем короткой и жестокой расправы, подскочил с кресла, перемахнув столик, повис на плечах противника. Алексей запоздало подумал о том, что в потайном кармане, пришитом с задней стороны кресла, лежит бесполезный пистолет Макарова. Пушку держали на тот случай, если в «Орхидею» забредет какой-нибудь опустившийся отморозок с буйным нравом. Сейчас как раз такой вариант, но до оружия трудно добраться.

Алексей, обхватив предплечьями горло Элвиса, медленно

смыкал руки, выполняя удушающий захват. Он оторвал ноги от пола, повиснув на противнике. Элвис пошатнулся, сделал несколько шагов вперед и в сторону. И каким-то образом, находясь в этой неудобной позиции, ухитрился еще раз пнуть пяткой в лицо Максима, пытавшегося встать на ноги. Алексей что есть силы сжал руки на шее противника, Элвис опустил подбородок, не позволяя перекрыть себе кислород, он шатался, но пока удержал вес. Исход поединка решала уже не сила, а ловкость и сообразительность.

Элвис шагнул назад, впечатав противника спиной в сервант. Лопнули декоративные стекла, на пол посыпались рюмки, бокалы для шампанского на высоких ножках, бутылки с ликером и чилийским вином. Алексей почувствовал что-то вроде ожога, острые осколки стекла, распоров рубаху, вдоль и поперек порезали спину, за пару секунд рубашка сделалась мокрой и горячей, прилипла к коже. Пришлось ослабить хватку. И уже в следующую секунду Элвис стряхнул с себя крепкого парня, словно котенка: дернул за руки, наклонился вперед и резко перебросил его через спину. Алексей заорал от боли и тут же заглох, получив ногой под ребра. Через секунду Элвис навалился ему на грудь, прижал лицо к паркету, залитому дрянным ликером, поставил колено на нижнюю челюсть.

– Где ее шмотки и паспорт? – спросил он.

Но Алексей плохо понимал, о чем его спрашивают. Порезанную спину жгло огнем, боль в локтевых суставах, отда-

валась в плечах и груди, челюсть похрустывала под каменной коленкой этого паршивого психопата. И помощи ждать не откуда. Напарник Максим с лицом залитым кровью, лежал на полу вдоль дивана. Если бы не подрагивающая нога, можно решить, что он уже того... Перебрался в лучший из миров.

– Мать твою так, – едва шевеля губами, шептал Алексей. – Твою мать так, сука. Пусти...

– Паспорт? Где паспорт?

– Не знаю. Что б ты сдох.

– Ну? Где?

– Ты еще узнаешь, сука, с кем связался. Узнаешь...

– Вот как? Повтори еще раз, гнида, – Элвис сильнее надавил коленом на челюсть.

– А-а-а-а...

Лена, приоткрыв дверь в коридор, чутко вслушивалась в звуки, доносившиеся из гостиной. Мужской спор. Слов она не разбирала. Потом какая-то возня, звук бьющегося стекла. Чьи-то крики и стоны. Кажется, парню с татуировками на плечах, вставшему с ее кровати и отправившемуся за пивом, крепко перепало. Охранники «Орхидеи» запросто могли изувечить человека за неосторожно брошенное грубое слово или только потому, что бедолаге не хватило жалких

копеек сполна рассчитаться за коммерческий секс или заказанную выпивку. А потом спустить с лестницы и вышвырнуть во двор. Такое случалось не каждый день, но от этого не легче.

Ленка подумала, что парень красивый, чернявый, голубоглазый, с прямым тонким носом. Похож на какого-то иностранного артиста или певца, вот только имя того артиста ускользает из памяти. Хорошо бы его не убили. Девчонки, разбуженные и напуганные грохотом и криками, позакрывались в своих комнатах. Но вот все стихло, Ленка, охваченная волнением и любопытством, выждала пару минут, высунулась в коридор и отшатнулась, отступив назад. В комнату вошел Элвис, оставляя на светлом ковре пятна крови, доковылял до кровати, сел. И бросил паспорт на матрас.

– Вот твоя ксива, – сказал он. – Но шмоток я не нашел. Собирайся, мы уходим.

– А что там произошло?

– Те два уroda слегка пострадали. Так сказать, случай производственного травматизма. Бывает...

– На фига ты все это устроил?

– У меня с утра кулаки чесались. Сейчас зуд прошел.

– Не пойду я никуда, – заявила Ленка. – Напрасно старался.

– Это еще почему?

– Потому что ты связался ни с теми людьми. Меня найдут и порежут физиономию. Или чего похуже сделают. Не хочу

остаться без глаз, не хочу становиться уродиной. Или покойником. Уродливым покойником.

– Ну, это уж твой выбор. Как хочешь.

Он взял с прикроватной тумбочки булавку для волос, повернул ногу ступней к себе. Поплевав на рану, стер кровь и слюну пододеяльником и начал что-то выковыривать из пятки.

– Ты только учти, что оставаться тебе тоже нельзя, – Элвис поморщился от боли. Капли крови падали на светлый ковер, но кусочек стекла все не выходил. – В этом случае тебя точно порежут. Кстати, я твою зарплату у пацанов выпросил.

– Серьезно?

– Бабки на кармане. Не бог весть что, но две штуки баксов это лучше, чем совсем ничего.

– Куда же я пойду голяком? – Ленка куталась в короткую простынку. – У тебя машина?

– У меня мотоцикл.

– На мотоцикле нас остановит первый же мент, – покачала головой Ленка. – Не поеду. В простыне не могу, она слетит, когда я стану держаться за тебя. Голая баба на мотоцикле едет по Москве. Бред какой...

– И хрен с тобой, – сказал Элвис. – Живи тут среди крыс и тараканов. И этих мразей, ваших шмаровозов. Среди людей тебе нечего делать.

– То есть я не то хотела сказать, – Ленка вдруг испугалась, что парень уйдет один, оставит ее здесь. Охранники очуха-

ются и выместят на ней всю злость. – Я поеду. Но не могу же я голой...

Элвис уже вытащил из ноги шестигранный осколок стекла, поплевав на пятку, вытер ее пододеяльником. Он натянул кроссовки и кожанку.

– Голая... Не волнуйся об этом, – сказал он. – Все – ерунда. Мы помчимся на такой скорости, что никто, ни один мент с самым серьезным биноклем, даже целый взвод ДПС, не сможет разглядеть ни тебя, ни меня, ни даже мотоцикла.

– Такая скорость? Ты это серьезно?

– Куда уж серьезней.

Ленка вошла в трусы и прозрачный красный пеньюар с опушкой из искусственного меха. Все прелести как на ладони, но все же лучше, чем совсем голой. Элвис, схватив ее за руку, провел коридором до входной двери, сбросил цепочку и открыл замок.

Ленка успела заглянуть в гостиную и ужаснулась тому, что увидела. Вместо красивого резного буфета под старину, полного стильной посуды и дорогого вина, гора деревяшек. На полу лужи спиртного вперемежку с кровью. В этой жидкости барахтается, пытаясь подняться, охранник Алексей с распухшей от побоев мордой. Второй охранник вытянулся вдоль дивана и даже не пытается трепыхаться, только ногой дергает, будто переживает предсмертную агонию. Подушки диванов и кресел вспороты ножом, вместо эротической живописи на стенах какие-то грязные лоскуты в золоченых рамах.

Даже карниз с бордовыми занавесками кто-то сорвал, переломил надвое. Но главное это море крови, смотреть страшно. Даже обои испорчены. Похоже на взрыв гранаты в мясном ряду центрального рынка.

Через минуту Ленка залезла на заднее сидение мотоцикла. Над городом уже рассвело ранее утро, небо окрасилось в бледно синие тона, но людей еще не видно, даже дворник не появился, только бездомный пес отирался у помойных баков. Двумя руками Ленка обняла Элвиса и громко вскрикнула, когда он рванул с места.

Телефон едва звякнул, но прапорщик Олег Гуревич уже сорвал трубку.

— Дежурный слушает...

Вместо ответа короткие гудки. Выругавшись про себя, Гуревич поднялся со стула, вышел из дежурной части в коридор. Он глянул на площадь через окно: синий парашют сумерек уже опускался с неба, темнел абрис пожарной каланчи, а голубятник Сергей, свистел стае птиц, парившей в небе. Возле здания клуба остановился автобус, из которого вылезло десятка полтора пассажиров. Будний день, народу на станцию ездит немного. Мимо отделения милиция бабка Павлина гнала на двор корову с выпаса. На ходу возле самого палисадника, где разросся золотой шар и жухлые кустики че-

ремухи, корова сделала лепешку и уныло побрела дальше. Гуревич рванулся к выходу, дернул дверь, чтобы обложить тупую старуху матом, но вспомнил, что капитан приказал ни на шаг не отходить от телефона.

– Черт, вот же тупое отродье, – прапор хлопнул себя по ляжке ладонью. – Сволочи... Сколько раз говорил этой заразе Павлине, чтобы корову тут не гоняла.

Он вернулся на свое место и повздыхал еще минуту. Люди живут в современном рабочем поселке, здесь два предприятия: завод по производству стеклотары и фабрика полимерных материалов. Правда та фабрика работает день в неделю или вовсе стоит. Впрочем, это не важно... Зато завод в две смены гонит бутылки. Есть дискотека, свой Дворец культуры, столовая, асфальт проложили до самой дальней околицы. А нравы у людей как в богом забытой глухомани. По центральной площади водят скот на выпас.

После утреннего осмотра сеного сарая, где обнаружили следы свежей крови, капитан Зубков вернулся назад мрачнее тучи. Вместо того чтобы отпустить прапора, отбарабанившего ночное дежурство, до родной хаты, сказал, что сегодня предстоит сверхурочная работа. Сержанта Косенко на «уазике» отправил объезжать дальние деревни, чтобы выяснить, не случались ли за последние трое суток краж скота с подворий. Натянув китель, Зубков сел в свои «Жигули» и отправился в область, якобы ознакомиться со сводками происшествий за последние дни. Перед отъездом шепнул пра-

пору, чтобы никуда не выходил из дежурки, возможно, будут важные новости.

Ясно, капитан дослуживает на этом месте последние недели, а то и дни. Идет на повышение в областное управление внутренних дел. Авось, приживется на новом месте и Гуревичу составит протекцию: молодой перспективный кадр, такому менту нельзя в глубинке прозябать. Сейчас Зубкову не жилу вешать на себя дело, которое неизвестно чем обернется. Может, в том сенном сарае скот резали, а может, и людей. Глядишь, через недельку в дальнем пруду, что в трех километрах от сарая, всплывут трупы неизвестных граждан, обезображенных до неузнаваемости. И что тогда делать с заявлениями мотоциклистов, которые сейчас лежат в верхнем ящике стола? Задним числом бумаги не регистрируешь.

Днем прапорщик несытно пообедал, мать принесла вареной картошки с куском гусяного мяса, но с того обеда сколько времени прошло. А капитана и сержанта Косенко все нет. Сержант путает служебный «уазик» с личной машиной, за просто может завернуть к своей старой подруге, на центральную усадьбу совхоза «Знамя». Пользуется тем, что рация не пашет уже третью неделю, значит, и связаться с ним нельзя. И вот прапор опять киснет в дежурке, но нет ни важных новостей, ни капитана. Хорошо бы Зубков до ночи обернулся.

Прапор влил в горло полстакана молока, что остались с обеда, и, развернув газету трехдневной давности, включил настольную лампу. Когда входная дверь скрипнула и распах-

нулась, прапор даже привстал со своего места. Но порог переступил не капитан, вошли два незнакомых мужчины средних лет. Один, худой и длинный, лицо бледное каштановыми волосами достают до плеч, одет в голубую безрукавку и серые штаны. Второй, здоровый амбал с обрюзгшим лицом. Этот подстрижен коротко, светло бежевый костюм, какие не носят жители рабочих поселков, маловат ему на размерчик. Мужчины встали у деревянной стойки и дружелюбно улыбнулись.

– Добрый вечер.

– И вам добрый, – прапор с интересом разглядывал незнакомцев, гадая про себя, какая нелегкая занесла в их края чужаков. У здорового мужика из уха торчит клочок ваты, а на желтом галстуке пятна кетчупа. Этот мужик, видимо, не самый большой аккуратист и никогда не откажется от лишнего куска, даже если только что пообедал. – Чем могу помочь?

– К вам тут с утра заезжали мотоциклисты, – здоровый мужик положил на стойку литые кулаки. – Тот, который младший, мой племянник. Короче говоря, в Москву они не вернулись. Видно, загуляли где-то. Его мать поставила меня на уши. Езжай, разыщи его. Ну, единственный сын, мать переживает. А где его искать? Я только знаю, что он был в ваших краях. Ну, решил первым делом в милицию заглянуть. Люди сказали, что утром видели тут двух парней на мотоциклах.

– А, вот оно что. Это те парни, которое заявление написали, – догадался прапор и постучал ладонью по столешни-

це. – Шустрые... Утром они пообедали в столовой за углом и тронулись в обратный путь.

Мужчины молча переглянулись.

– Заявление? – мужик, назвавшийся дядей, расслабил узел галстука, будто ему трудно дышалось. – Какое еще заявление?

– А документы у вас при себе?

Прапорщик вчетверо сложил газету и выключил радио. На деревянную истертую стойку лег паспорт. Гуревич, положив документ перед собой, перевернул страничку, сличив фотографию с личностью мужика в костюме, записал фамилию и адрес посетителя на четвертинке тетрадного листка: Фомин Евгений Юрьевич, сорок семь лет, москвич.

– У нас тут небольшая заварушка ночью случилась, – сказал Гуревич. – Есть подозрение, что скот украли и забили. Парни что-то видели, что-то слышали. Сейчас выясняем, что конкретно произошло. А вы чей дядя? Бобрика?

– Совершенно верно, Бобрика, – мужик рассеяно кивнул и опустил паспорт во внутренний карман пиджака. – Можно взглянуть на это заявление?

– Не положено, – помотал головой прапор. – То есть, не я этот вопрос решаю. Начальник отделения.

– А с начальством можно поговорить?

– Пока я один, сам жду капитана. Он сейчас в районе, обещал вернуться вечером. И до сих пор нет. Ждите, вон там у окна присаживайтесь.

– Может быть, мой племянник что натворил? – дядя не подумал присесть. – Вы скажите сразу.

– Нет, ничего такого. Парни написали заявление, которое мы проверяем.

– Племянник немного с чужинкой, – сказал дядя. – Не то чтобы у него совсем башка на сторону съехала, но заскоки случаются. И ведет себя странно: загулы, травка, ночует не поймешь где. Я уже не первый раз разыскиваю его по городам и весям. Даже не знаю, как ему водительские права выдали. И друзья у него такие же, со сдвигом. Короче, его заявлениям я бы не стал верить.

– Вот как? Он что, на учете стоит?

Прапор подавил вздох облегчения. Вот все и разъяснилось. Парень с приветом, видимо, с большим приветом, душевно больной человек. Отсюда все эти страшные фантазии, пытки, кровь и трупы. Неожиданно души коснулось чувство тревоги, близкой опасности. С какой стати эти московские гости явились сюда, откуда они там в Москве узнали, что племянник появлялся именно в их поселке. Ведь Бобрик и Гудков утверждали, что оказались здесь случайно, поездом. Остановились и поужинали в первом попавшемся месте, когда почувствовали усталость. Мысли пронеслись в голове, как ураган, и запутались. В конце концов, прапорщик здесь не начальник. Вот приедет Зубков, задаст гостям вопросы и получит ответы.

– Лечим его частным образом, – вздохнул Фомин. –

Столько денег извели, но толку немного. Врачи обдирают его мать как липку, вешают на уши лапшу и пичкают парня транквилизаторами. Так можно краем глаза взглянуть на это заявление?

— Гражданин, я ведь уже все объяснил. Ваши вопросы не ко мне. Если есть время, подождите капитана.

Сделав строгое лицо, прапор снова развернул газету, давая понять, что разговор подошел к концу. Посетители взглянули на облупившийся «Ролекс» на запястье прапора и снова переглянулись. Кажется, их посетила одна и та же мысль.

— Хорошие часы, — сказал Фомин. — Но настоящие «Ролекс» лучше. У меня тут немного денег в кармане завалилось, чисто случайно. Хватит, чтобы купить фирменные часы на золотом браслете. И еще мелочь останется, на мороженое. Мне только взглянуть на эти бумажки, протоколы, мать их. Дел на копейку.

В руке Фомина каким-то образом оказался потертый бумажник, расстегнув клапан, он вытащил стопку стодолларовых купюр. Сложив пальцы щепотью, будто собирался перекреститься, плюнул на них. Снял верхнюю купюру и положил ее на стойку, прямо перед носом прапора. Бумажка оказалась засаленной.

– Раз, – сказал Фомин. – Два, три...

Неожиданное предложение застало прапора врасплох, еще никогда и никто не предлагал ему взятки. Случалось, правда, что кое-кто из граждан, когда конфликт с соседом, собственной тещей или женой, заходил слишком далеко, до жуткого скандала или мордобоя, хотел задобрить милиционера доброй выпивкой и закусоном. А таких конфликтов в поселке без счета. Но непьющему, равнодушному к жратве Гуревичу эти фокусы по барабану, его за рубль двадцать не возьмешь. Прапор слишком высоко ценил честь мундира и чистые руки представителей власти, чтобы опускаться до этой жалкой мелочевки, унижено подбирать крошки с чужих столов.

– Шесть... Семь...

Сейчас он застыл на стуле с жесткой спинкой, гипнотическим взглядом уставился на доллары в руках посетителя, на его толстые сильные руки. На безымянном пальце выколот перстень: белый череп на белом фоне. Кажется, эту наколочку наносят злостным лагерным отрицалам, лицам, склонным к жестокому насилию. Татуировка потускнела, выцвела. Видимо, накололи ее давным-давно, еще в юные годы или пытались вытравить марганцовкой. Получилось, но не совсем.

– Девять, – считал Фомин. – Десять, одиннадцать...

Положив на стойку очередную бумажку, Фомин делал короткую паузу, смотрел на прапора, дожидаясь, когда тот кивнет, остановит счет. Мол, хватит, в расчете. Но Гуревич молчал, тупо глядя на деньги. И Фомин, выдерживая новую паузу, длиннее предыдущей, снова плевал на подушечки пальцев, клал на стойку еще одну купюру. Прапор, продолжая хранить молчание, сглотнул комок, застрявший в глотке. Мать четвертый год по договору с потребкооперацией откармливает на продажу гусей. Интересно, сколько птицы должна переняньчить старуха, чтобы заработать штуку зеленых?

– Пятнадцать, – пауза оказалось такой долгой, а тишина такой прозрачной, что стало слышно, как возле пожарной станции лает овчарка Рекс. – Пятнадцать...

Гуревич почувствовал, как запершило в глотке, но почему-то так разволновался, что даже откашляться не смог. Капля пота, скатилась по шее за воротник форменной рубашки. И снова послышался собачий лай. Мысли окончательно запутались, перед мысленным взором прошла череда отрывочных образов: мать, пасущая гусей, эти деньги на стойке, сдвинутые мотоциклисты, облезлые часы «Ролекс» и снова мать с гусями...

– Двадцать один, – Фомин вздохнул и, чего-то ожидая, уставился на милиционера. – Слушай, командир, может, хватит? У меня ведь тоже бабки не из ширинки валяются. Я прошу о такой фигне, взглянуть на какие-то бумажки... По-хо-

рошему эта хрень на пару сотен не тянет.

– Уберите, – Гуревич наконец кашлянул в кулак. Его слабый голос неожиданно набрал силу. – Уберите деньги. Иначе...

– Что иначе? Чего убрать? – Фомин посмотрел на прапора, как смотрят на тяжело больных людей, которые вот-вот врежут дуба. – Не понял, начальник.

– Я сказал: уберите деньги. Иначе я приглашу понятых и составлю протокол. Со всеми вытекающими...

– А... Вот ты чего, – Фомин покачал головой. – Как скажешь, командир.

Он сгреб деньги со стойки, сунул их в бумажник. В следующую секунду прапор ослеп от боли, чей-то тяжелый кулак впелся ему лицо. Чудом он смог удержаться на стуле, схватившись за столешницу, и получил еще один удар, на этот раз справа. Теперь били не кулаком, чем-то потяжелее. Уже слетев со стула на бетонный пол, прапор подумал, что на него напал спутник Фомина, тот молчаливый мужик с каштановыми волосами. Ослепнув от боли, прапор прижал ладонь к поясу, нащупал застежку кобуры. Но не успел вытащить табельный ПМ, получил прямой удар каблуком в живот, а вдогонку маховый удар по шее внутренней частью стопы.

– Не нужны деньги, так оставайся с голой жопой, – голос Фомина долетал издалека, откуда-то с потолка или с самих небес. – Придурок, укроп колхозный.

Прапор закрыл руками лицо, хотел заорать во всю глотку,

позвать на помощь. Но голос пропал, голова сделалась горячей, а шея какой-то деревянной. Он повалился на пол и получил топчущий удар стопой по корпусу. Прапор каким-то образом оказался зажатым в углу, в этом тесном пространстве он окончательно потерял способность защищаться, мир уже плыл перед глазами и темнел. Из этой темноты высунулась волосатая обезьянья лапа, показала прапору огромный синий кукиш и саданула по затылку чем-то тяжелым.

Прапорщик пришел в себя, когда ожили часы с боем, стоявшие на тумбочке в углу. Он сел на полу, привалившись спиной к стене, выплюнул выбитый зуб и ощупал лицо. Переносица сделалась мягкой, податливой, словно резиновой, под пальцами что-то похрустывало и нижнюю челюсть огнем жгло. Гуревич, собрав силы, оттолкнулся ладонями от пола, поднялся на ноги. Стоя на месте, он покачивался из стороны в сторону, потому что пол уходил из-под ног. Расстегнув пуговицы, стянул через голову пропитанную кровью рубашку, бросил ее на пол и, перешагнув ПМ, лежавший посередине дежурки, упал на стул. Выдвинул верхний ящик. Так и есть, заявление мотоциклистов исчезло. Но в дальний угол ящика закатился пластмассовый колпачок, на который Гуревич утром наступил в сарае, а потом опустил в карман. Groшовой колпачок.

Вот она цена честности и человеческой принципиальности: долларов – ноль целых ноль десятых, зато ему нагрузили целую корзину кренделей. Корзину с верхом. Еще спасибо

жив остался.

– Черт, – сказал Гуревич самому себе. – Черт... Надо было брать деньги. Когда их давали.

Он придвинул к себе телефон, вспоминая телефон фельдшера, живущего в доме через площадь, но не мог вспомнить даже собственного имени.

В гаражном боксе стояла гулкая тишина, слышно, как капли дождя постукивают по железной кровле и где-то далеко, за забором автосервиса заливисто лает собака. Впереди еще полчаса обеденного времени, мастера разбрелись кто куда, а Сашке Бобрику пришлось отложить перекус до лучших времен, с Вольво еще возни часа на полтора, а то и на все два, заказ срочный, бросить работу нельзя, клиент появится часа в четыре, до этого времени надо все закруглить. Бобрик поменял ключ и до упора завернул гайку. Из смотровой ямы были видны распахнутые настежь ворота бокса, в проеме стоял какой-то человек в штанах, украшенных пятнами солярки, и стоптанных башмаках с латками.

Рубль за сто это дворник пришел прибраться на дворе, переделся в свое тряпье, но, застигнутый дождем, бросил работу и ждет, когда хоть немного разгуляется. Через пять минут, когда Сашка Бобрик поднял голову и покосился в сторону ворот, ботинки с латками исчезли. Вместо них появи-

лись фасонистые шузы с лаковым верхом и наборным каблуком и кремовые льняные брюки. Владелец дорогих ботинок топтался на месте, кажется, переждал дождь. Неожиданно он сделал несколько шагов вперед, перетупил порог бокса, остановился у верстака. Бобрик подумал, что красть здесь нечего, кое-какой инструмент не в счет, значит, и беспокоиться не стоит.

Однако чужакам в боксах делать нечего, таковы правила. Бобрик хотел крикнуть снизу, мол, нечего болтаться в служебном помещении, раз нет надобности. Но незнакомец открыл рот первым.

– Есть кто-нибудь? – крикнул он. Голос оказался приятным. Глубокий мягкий баритон, такие голоса волнуют женщин, но не автослесарей.

– Я есть, – отозвался Бобрик. – Вы чего хотели?

– А вас случайно не Александром зовут? Саша Бобрик, правильно? Вы тут слесарь, правильно?

Бобрик настороженно относился к незнакомым людям. Особенно если незнакомцы проявляли подозрительную осведомленность и задавали слишком много вопросов. И от этих вопросов сердце почему-то екает и подскакивает, как шарик для пинг-понга. Позапрошлой ночью они с Гудковым стали свидетелями жестокого убийства. Такие истории не добавляют оптимизма.

– Предположим, – ответил он из смотровой ямы. – Так что вам нужно?

– Для начала, чтобы вы поднялись наверх. Есть разговор. Точнее, деловое предложение.

– Я халтурой не занимаюсь. Все работа оформляется через контору.

– Это не насчет халтуры, – ответил мужчина. – Так вы покажитесь на свет. А то как-то странный разговор у нас выходит.

Положив ключи в сумку, Бобрик по лесенке, сваренный из арматурных прутьев, выбрался из ямы. Стянул и бросил на верстак нитяные перчатки. Незнакомец завладел рукой слесаря и с чувством потискал ее. Мужчине лет сорок с гаком, высокий, склонный к полноте. На нем светлый пиджак и шелковая рубашка, которую не купишь в ближайшем магазине «Копейка». Русые волосы аккуратно подстрижены, смазаны какой-то блестящей дрянью, но не гуталином. Из правого уха торчит кусок ваты.

– Рад знакомству, – мужчина продолжал скалиться, будто только что сорвал джек-пот в лотерею. – Очень рад.

Бобрик с усилием высвободил руку и оставил реплики мужчины без ответа, только спросил:

– Вы по делу или как?

– Именно по делу. Меня зовут Фомин Евгений Юрьевич. Ваш постоянный клиент. То есть не ваш лично, иногда ремонтирую здесь свою старушку.

Большим пальцем показал себе за спину. Под дождем мок пяти-годовалый корейский автомобиль цвета морской вол-

ны.

– Эти тачки созданы для того, чтобы люди за рулем отдыхали, – продолжал болтать Фомин. – Кожаные кресла такие, что в них удобно даже в космос летать. Шикарная приборная доска, подставки для стаканов с кофе, многое другое. Плюс движок почти в сто пятьдесят лошадей. Я не покупаю европейские модели, потому что они не стоят того, что обозначено на ценниках.

– Вы только за тем и пришли? Ну, чтобы в популярной форме рассказать о корейских машинах?

– Не совсем, – загадочно улыбнулся Фомин.

– Или хотите втюхать мне свою старушку по сходной цене? Тогда вы не по адресу. Я здесь не самый платежеспособный покупатель. И не предлагайте мне большую скидку или рассрочку на три года – все равно откажусь.

Бобрик впервые улыбнулся. Он пришел к выводу, что перед ним не мент и не бандит.

– Есть одно деловое предложение, но платить буду я, – указательным пальцем Фомин поглубже затолкал в ухо кусок ваты. – Черт, проклятое ухо. То стреляет, то ноет. И еще выделяется какая-то дрянь. Врачи прописывают антибиотики, но плохо помогает. Так вот, я слышал от мастеров, что вы занимались мотокроссом. Имеете разряд и вообще неплохо управляетесь с мотоциклом. У меня есть близкий друг Миша Маслов. Мы на паях владеем одной риэлтерской шарашкой, продаем офисы, квартиры и другую лабуду. Короче, ку-

ем деньги. Мой дружбан купил новый БМВ 745. Такая здорова дура...

– Знаю, – кивнул Бобрик.

– Он молится на эту тачку, пылинки с нее сдувает, боится, что мухи засидят лобовое стекло. Короче, эта любовь к металлолому похожа на тихое помешательство. Я убеждал его в бэха – это просто огромный кусок железа без всякой изюминки. Миша очень высокого мнения о ходовых качествах своей колымаги. И разумеется о своих водительских талантах. Как многие чайники, он свято убежден, что в нем засох великий гонщик.

– Извините, у меня работа срочная.

– Мы тут с ним немного поцапались, – продолжал Фомин. – И я в пылу спора заметил, что его бээмвухе любой придурок на ржавой драндулете запросто плюнет на стекло. И неторопливо поедет дальше по своим делам. И Миша даже не сможет догнать обидчика, тачкой жалко рисковать.

– И вы хотите, чтобы этим придурком стал я? – догадался Бобрик. – Своим плевок поставил точку в вашем споре?

– Точно, – Фомин поковырял пальцем в ухе. – Завтра мы чуть свет едим осматривать особняк на Ярославском шоссе. Очень удобный случай. Ты догоняешь тачку... Короче, один плевок – пятьсот гринов. Это всего лишь шутка, дружеский розыгрыш.

– За такие шутки надо...

– Чудак человек. Если бы мне платили хотя бы по доллару

на три грамма слюны, я бы... Давно бы отошел от дел, упал в мягкое кресло и грелся в лучах телевизора.

Он выразительно сплюнул под ноги и вздохнул, мол, сколько ни плюй, ни копейки не начислят. А тут пять сотен на блюдечке. Предложение оказалось несколько неожиданным, что на минуту повергло Бобрика в замешательство. Плюнуть-то не проблема. И деньги до зарезу нужны, обещал отцу в прошлом месяце телеграфом отправить двести баксов, а кинул на проволоку только полтинник. Да и хозяин сервиса, мужик жадный до денег, давно обещал прибавку. Но теми обещаниями ни сыт, ни пьян не будешь. Однако все это пахнет дерьмом, с какого дерева свалился этот черт и почему обратился именно к автослесарю? Он один что ли во всей Москве прилично управляется с мотоциклом и умеет плевать. С другой стороны деньги приличные. Сколько нужно торчать в смотровой яме, чтобы получить пять сотен. А тут всех дел на час.

– Заманчивое предложение, – сказал Бобрик. – Но я, пожалуй, откажусь.

– Значит, я пришел не по адресу, – развел руками Фомин. – Судя по виду, ты не из трусливого десятка, но оказывается... Короче, я ошибся.

Посетитель шагнул к воротам, но Бобрик встал у него на дороге.

– Договаривай. Что «оказывается».

– Оказывается, ты... Немного робкий. Поработай над со-

бой. Возможно, из тебя еще выйдет толк.

– Думаешь, что я трус? Ладно, я согласен.

– Так бы сразу, – Фомин протянул руку и с чувством потрянул ладонь своего молодого знакомого.

– А ваш друг как? В смысле, с чувством юмора у него все в порядке? Потому что в такую шутку не каждый чайник врубится. До этого юмора, этих плевков на стекло, дорости надо. Еще устроит на шоссе гонку с преследованием.

– С юмором у него порядок. А если он в погоню дернется, остановлю. Я ведь буду сидеть рядом. Все схвачено. Ну, пять сотен и по рукам? Две сотни прямо сейчас отслюню, вроде аванса. Остальное – завтра вечером.

Фомин вытащил свернутый трубочкой атлас Подмоскovie, раскрыв на нужной странице, положил его на верстак. И, проводя самопиской по контурам автомобильных дорог, обрисовал детали завтрашнего розыгрыша. Вот дорога, которая сворачивает с Ярославки, и ведет сюда, мимо коттеджного поселка, к агрофирме «Красная нива». Затем километра четыре лесом, поворот направо. Фомин сделал пару пометок на карте, кружочек и крестик. На этом вот месте ровно в пять тридцать утра Бобрик будет ждать черный БМВ. Дальше справа и слева поля и лесопосадки. Утром машин нет.

На этом участке дороги мотоциклист легко догоняет БМВ, потому что Миша бережет тачку и не лихачит на плохих дорогах. Бобрик плюет на стекло, желательно смачно, обильно, дает по газам и был таков. Если же оскорбленный в

лучших чувствах хозяин бэхи дернется в погоню, то Фомин урезонит его, заставит прекратить это пустое занятие. Стоит ли гробить дорогую тачку из-за нелепой выходки какого-то щенка, пусть выходки вызывающей, оскорбительной, но на стекле всего лишь плевков, а не лепешка коровьего дерьма.

– Миша наверняка прибавит газу, будет ехать за тобой мину-другую, но не дольше, – Фомин оставил атлас с пометками на верстаке. Полез в карман и вытащил из пухлого лопатника две сотни, сунул деньги в нагрудный карман рабочий куртки Бобрика. – Можно глянуть на твой мотоцикл?

Бобрик врубил вторую люминесцентную лампу, отошел в дальний угол гаража и, поманив посетителя пальцем, сдернул кусок брезента с мотоцикла. Фомин наклонился вперед и с видом знатока стал разглядывать бензобак с выбитом на нем логотипом фирмы.

– М-да... Не самый породистый экземпляр, «Ява». Предсмертная отрыжка социализма. Очень старый?

– Мотик этой серии сошел с конвейера одним из последних, а потом у завода начались проблемы, – ответил Бобрик. – Аппарат в приличном состоянии. От базовой модели осталось не так много: бензобак и рама. Все остальное фирменное. Едет он гораздо лучше, чем выглядит.

– По виду не скажешь.

– Я тут кое-что поменял, усовершенствовал. Вот, скажем, движок, он не родной, японский. Электрооборудование новое немецкое...

– Можешь не объяснять. Все понятно без слов.

Усмехнувшись, гость потерябил клочок ваты, торчавший из уха. В технические вопросы вникать не хотелось. И так все ясно с первого взгляда: мотоцикл дышит на ладан и его последний час уже близок. На ходу, когда стрелка спидометра достигает отметки шестьдесят, он автоматически разваливается на запчасти. Грязный самопальный гибрид нескольких мотоциклов, что-то вроде беспородной собачонки. Короче, редкое дерьмо.

– Такой раритетный, – улыбнулся Фомин и на прощание протянул плотную ладонь. – Обидно, когда такая какашка обгоняет тебя на дороге, а ее водила плюет на лобовуху. Только не опаздывай ни на секунду.

– Во-первых, не оскорбляйте мой мотик. Он этого не заслужил, – Бобрик свел брови на переносице. – Во-вторых, все ваши шуточки с плевками на стекло – от зависти. Не можете простить своему компаньону, что он ездит на новом БМВ, а вы... На подержанной корейской таратайке. Или я не прав?

Фомин вышел из бокса с испорченным настроением.

Глава четвертая

Ночь Бобрик провел беспокойно, он лежал на втором ярусе железной койки, пялился в темный потолок, молотил кулаком жесткую, как боксерский мешок, подушку, но сон не приходил. Пристройку к ангару, где проводили кузовные работы, хозяин автосервиса Амаяк Амбарцумян превратил в ночлежку для строителей нелегалов. Эти парни, в основном таджики и молдаване, днем строили новые автомобильные боксы и складывали из блоков пенобетона унылое двухэтажное здание административного корпуса. За ворота автосервиса работяги не совались ни днем, ни ночью, не налететь на милицейский патруль. Здесь, они готовили еду на электрических плитках, спали, кто верующий, молились.

Еще весной Бобрик, выбрав момент, когда у хозяина сервиса было хорошее настроение, подрулил к нему и попросил пустить его на пару месяце пожить вместе с работягами. Хозяйка съемной комнаты, в которой тогда жил Бобрик, задрала цену до небес. Тут одно из двух: надо искать новое жилье или залезать в постель к хозяйке, в этом случае можно надеяться на поблажки, скажем, бесплатный сытный ужин, и большую скидку. Готовила тетя Зина сносно, это, пожалуй, ее единственное достоинство. Правда, тот ужин придется еще отрабатывать на пуховой перине, как говорится, работать во вторую смену. Последний вариант не грел душу,

тетя Зина была не то чтобы совсем старая и не то чтобы страшная, как черт, по пьяному делу потереться с ней можно. Но уж очень она занудливая, пристающая и когти у нее острые. От ее тупых вопросов мозги раком встанут. Захочешь от нее отвязаться, не отпустит, вцепиться прямо в горло или задушит пуховой подушкой.

Бобрик решил, что роль юного мужа стареющей сварливой женщины – не его амплуа. Оставил на столе плату за последние две недели, бросил вещи в рюкзак и в зеркальце мотоцикла увидел, как Зинаида, нагруженная сумками, возвращаясь с рынка, неторопливо заходит в подъезд. Бобрик наплел Амбарцумяну, что его выселяют со съемной хаты, даже, охваченный вдохновением, натурально всхлипнул. Армянин махнул рукой: «Ладно, поживи в моей общаге. Пока хату не найдешь. Но чтобы через две недели духу твоего не было. Койки только для строителей».

Минул пятый месяц, а Бобрик до сих пор, экономя деньги, тусуется в этой ночлежке. Мучения подходят к концу, а цель, подержанный итальянский мотоцикл, близка. Народу тут как в солдатской бане, где не бывает свободного места на лавке. На нижнем ярусе обосновался Ахмет, выговорить его фамилию, не сломав язык, невозможно. Он хороший сосед и добрый малый без вредных привычек. Правда, спит с открытыми глазами и разговаривает во сне. И не может вспомнить, в каком году и где именно появился на свет. И когда мылся последний раз, он тоже не знает.

– Шайтан, – тихий придушенный голос доносился снизу. – Ах ты, шайтан...

Достав из-под матраса плоский фонарик, Бобрик свесился вниз, посветил в лицо Ахмета. Показалось, он не спит. Глаза открыты, зрачки закатились под лоб, лицо напряженное.

– Эй, ты чего? – прошептал Бобрик. – Спишь или как?

– Шайтан проклятый, – и во сне Ахмет продолжал переругиваться с бригадиром, который три недели подряд ставил на самые тяжелые работы на бетонном узле. И вдобавок, придравшись к пустяку, наложил штраф, не заплатив за неделю работы. – Что тебе так... Ах ты... У-у-у...

Прошлым утром он говорил, что когда вернется на родину, возьмет третью жену. «Она красавица, – сказал Ахмет. – И умная. Семь классов закончила. Но больше учиться не пойдет, потому что замуж давно пора». Ахмет перевернулся на бок и застонал. Его не одолевали эротические сны, мучили боли в поясницы и язва желудка. Если так дальше, ему не на свадьбе гулять, а лежать на кладбище. Две жены и юная невеста, за которую уже заплачена добрая часть калыма, аж сто пятьдесят долларов, останутся безутешными. И большие деньги пропадут.

– Обнулil меня, кинули и развели, – повысив голос, сказал Ахмет. В Москве он понабрался всяких модных словечек. – Сволочь, скотина...

Бобрик свесился вниз, включив фонарик, направил све-

товой круг на морду Ахмета.

– Слышь, деятель... Ты заткнешься сам или тебе помочь? Заснуть не могу, а ты, блядская муха, языком чешешь. Как на профсоюзном собрании.

Ахмет тяжело засопел и заглох. Бобрик еще четверть часа вертелся на жесткой койке, наконец спрыгнул вниз, натянув штаны и, сунув ноги в резиновые тапочки, по узкому проходу между кроватями пробрался к выходу. Закрыв за собой дверь, сел на пороге ночлежки, выудил из кармана мобильник. На тусклом экранчике высветилось время: первый час ночи. На душе было пакостно. Хотелось позвонить кому-то из знакомых, рассказать об этом Фомине и попросить совета. Может, отменить завтрашнее, вернее, уже сегодняшнее мероприятие? Всех денег все равно не загребешь. И пусть Фомин считает Бобрика трусом и ничтожеством.

Но кого удобно побеспокоить в такое время? Пожалуй, только Элвиса. Живет он один и, как правило, ложится под утро. Но по домашнему номеру никто не ответил, а мобильник оказался отключенным. Бобрик прошелся по темному двору, впотьмах едва не наткнувшись на кирпичную стену, снова присел на ступеньки. Петька Гудков, наверное, уже видит седьмой сон, но лучше разбудить его сейчас, утром у Петьки всегда запарка, секунды свободной нет, некогда словом переброситься. Вопреки ожиданиям голос Петьки оказался бодрым.

– Ты не спишь что ли? – удивился Бобрик.

– Как ты догадлив, мой друг, – кажется, Петька разговаривал, стоя на обочине шоссе. Отчетливо слышны звуки проезжающих мимо машин. – Ты звонишь пожелать мне спокойной ночи? Это так трогательно.

– Не совсем. Есть свободные пять минут?

– Только две. Давай коротко, в телеграфном стиле. Чего там у тебя?

Бобрик сбивчиво, перескакивая с одного на другое, рассказал о визите незнакомца и странном предложении, которое сделал Фомин.

– Блин, жалко этот мужик ко мне не пришел, – вздохнул Петька. – Видно, дороги не знал. Хорошие варианты всегда мимо проплывают. За пять сотен баксов я готов плевать целый день. В лучшем виде.

– Понимаешь, этот тип... Станный он какой-то. Все это как-то не по масти.

– Слушай, ты объясни, чего ты звонишь среди ночи?

– Посоветоваться.

– Тьфу, блин. Посоветоваться... Ты что, совком убитый? Если откажешься, звякни мне. Приеду вместо тебя. Нужно подобрать деньги, которые на дороге валяются, а он чего-то там бормочет и лепечет. Еще вопросы будут?

– А ты где сейчас? Чего там за машины шумят?

– Я еду на дачу к своей невесте, – ответил Петька.

– На фиг ты катаешься на эту дачу каждый день?

– На этой даче живет моя будущая жена. Без пяти минут.

– Твои пять минут растянулись на два года.

– Оставь эту тему. Так вот, я завернул в одно придорожное заведение немного пожрать. Потому что последний раз ел, кажется, лет десять назад. Тебя устраивает такое объяснение?

– Черт с тобой, катись. Но помни, что нам надо встретиться и поговорить в ближайшее время. Обсудить, что делать дальше. Мы же не можем это так оставить, позабыть все, что видели в этом долбаном сарае. Подробности не для телефона.

– Твое время кончилось. Спешу. Я еще сегодня хочу немного поспать. И если ты не станешь доставать меня ночными звонками, я это сделаю.

В трубке запикали короткие гудки. Бобрик, скулив сигарету до фильтра, поднялся и отправился в обратный путь к своей койке. До утра спать осталось всего ничего.

Петя вышел из кафешки, залез в седло мотоцикла, прижал рычаг к рукоятке руля и включил первую передачу. Промчавшись первые десять километров по освещенной трассе с приличным покрытием, Петя, издали заметив указатель, повернул направо. Вопреки правилам переключил передачи во время поворота, чувствуя, что мотоцикл начинает заносить, резко набрал скорость и вышел из заноса. Сцепление тугое,

на приличной скорости, да еще на извилистых темных дорогах приходилось работать всей кистью, рука быстро уставала. Трасса неслась под колеса мотоцикла, справа темная стена леса, справа кочковатое поле, заросшее у обочины молодыми деревцами. У самого горизонта виднелось несколько тусклых огоньков.

Особо не разгонишься, впереди ни одного фонаря. Однако ночь светлая, над макушками сосен висит полная луна, освещавшая дорогу, словно прожектор. Пришлось тормознуть, когда дорога, резко пошла вниз и в свете фары Петя увидел глубокую выбоину на асфальте, которую не успевал объехать. Он нажал на лапку и заднее колесо на гидроприводе и тормозном диске, уверенно зацепилось за дорогу. Он удержал мотоцикл в наклонном положении, на малом ходу объехал препятствие. Теперь лес слева и справа расстилались темные поля, уже размеченные под застройку загородных коттеджей. Залитая лунным светом равнина напоминала космический пейзаж, но дело портили земные реалии: слева, с другой стороны кювета, выстроились в ряд несколько строительных бытовок, экскаватор и грейдер.

Петя прибавил газа, теперь, на прямом участке дороги, карбюраторный движок разгонялся динамично, когда стрелка спидометра подрагивала у отметки сто километров, и встречных машин не видно, можно получить хорошую порцию адреналинового кайфа. Вперед снова поднялась темная стена леса, пришлось сбросить скорость, воткнув на одну пе-

редачу ниже. Петя подумал, что второй год ездит на дачу к своей девчонке этой дорогой, одним и тем же самым коротким маршрутом, но так до конца и не изучил все секреты ночного шоссе. Вот сейчас лес, обступивший дорогу с двух сторон, должен кончиться, дальше пустырь и небольшой поселок. Прошлый раз Петя, разогнавшись до сотни, едва успел объехать зазевавшегося пса и чудом удержал мотоцикл, не влетев в глухой забор легочного профилактория. И твердо решил, проезжая поселок ночью, держать пятьдесят километров, не выше.

За поселком новый пустырь, отгороженный от дороги чахлыми лесопосадками, а соснами дачи. Маринка наверняка уже спит, и Петя не станет ее будить, загонит мотоцикл на участок через калитку, откроет дверь веранды своим ключом. Завтра выходной, он не поднимется с койки раньше полудня. Хвойный лес хранил загадочную тишину и тепло прошедшего дня, дождик кончился, но дорога останется мокрой до утра. Петя подумал, хорошо бы на мотоцикле установить стекло. Лобовой обтекатель позволит не ерзать в седле, закрывая глаза от ветра.

В следующее мгновение темный абрис автомобиля, выскочившего не поймешь откуда, то ли из леса, то ли из оврага, перегородил дорогу. Кажется, «Волга». Водила почему-то не ни включил фары, ни габаритные огни. Петя успел подумать, что расстояние до машины критическое, на мокром асфальте мотоцикл не удержать, и тачку, перегородившую обе

полосы по обочине не объехать. Внизу овраг, густой кустарник и деревца, значит, туда дороги нет. Шею свернешь. Если бы не мокрый асфальт шанс предотвратить столкновение еще оставался. Но сейчас его нет. Надо бить тачку не в водительскую дверцу, чтобы человек не пострадал, а в моторный отсек, в переднее колесо. Все эти мысли за одно мгновение ураганом пронесли в голове. И пропали.

Петя до упора выжал тормоз. Чувствуя, как непреодолимая сила выбрасывает его из седла, сносит назад, обеими руками изо всех сил вцепился в руль, стараясь повернуть мотоцикл боком. Но для маневра не хватило пространства. Чоппер въехал колесом в переднее крыло «Волги». Руки оторвались от руля, что-то ударило по бедрам, Петя высоко взлетел в воздух, на секунду почувствовав состояние невесомости и свободного полета, перевернулся через голову. Висящая над лесом луна сделалась ближе и ярче. В следующий миг ночное светило погасло.

Петя пришел в себя и открыл глаза, еще не веря в чудесное спасение. Он лежал на боку вдоль дороги, содранной кожей щеки чувствуя мелкие шероховатости асфальта. С этой позиции виден темный БМВ с включенными фарами. Видимо, кто-то проезжал мимо, остановился, решив узнать, нужна ли помощь. Чтобы разглядеть проклятую «Волгу», нужно

было пошевелить головой, но шея онемела. Дышалось тяжело, сгустки крови забили нос, левый глаз совсем закрылся, непонятно, он цел или вытек.

Петя не чувствовал правую ногу, но, кажется, мог пошевелить левой ногой. Это хорошо, значит, позвоночник не сломан. Боль шла из поясницы, опоясывала грудь и спину, поднималась к самому горлу. Но эту боль можно было терпеть. Он провел сухим языком по кровоточащим деснам, из которых торчали острые осколки, передние зубы вылетели, когда он ударился об асфальт. От смерти спас шлем. Расколотый надвое он валялся на дороге у обочины. Рядом стояли какие-то люди, кажется, трое мужчин, на мокром асфальте вытянулись их черные тени. Люди тихо переговаривались между собой. Не сразу Петя смог разобрать слова.

– Я ехал из Владимира. Ночь, на трассе скользко, скорость сто пятьдесят, – говорил мужчина. – Лопается крышка, а я как раз по мобильнику говорил. Короче, вылетаю с дороги в чисто поле. Тачка становится на уши. Четыре раза перевертывается через крышу. Сработали передние и боковые подушки безопасности. На мне ни царапины, только нос разбит. А вместо нового «лексуса» грудка металлолома.

– Ну, подушки... Тут все понятно. Ладно, надо закругляться. Или мы тут ночевать останемся?

– А чего... Подходящее место.

Кто-то хмыкнул. Петя закрыл целый глаз. Вероятно, эти люди сами не рискнули вести его в больницу, побоялись тро-

гать тело, вдруг у пострадавшего травма позвоночника. Люди просто вызвали «скорую». Теперь нужно набраться сил, немного потерпеть. Но позвоночник цел, ведь он чувствует одну ногу, — эта мысль вертелась в голове, как заезженная пластинка, не уходила. У него крепкое молодое сердце, он выкарабкается. Петя сказал себе, что попадал еще и не в такие переплеты. Взять хотя бы прошлогоднюю аварию на Минке...

Он хотел что-то сказать, но язык не слушался. Попытался вытянуть левую ногу и застонал. Тихо, едва слышно. Разговор оборвался. Один из мужчин, сделав несколько шагов вперед, встал над Петей. Поднял ногу и толкнул его подошвой ботинка в плечо, перевернув с бока на спину.

— Смотри-ка, а он жив, — сказал мужчина. — Вот, бляха, дела. Такой удар, и он жив. Что за херня? Глазам своим не верю.

Двое других мужчин тоже подошли, их темные фигуры нависли над Петей.

— Иногда удивляюсь живучести человека, — сказал один. — Кажется, от чувака мокрого места не должно остаться. А, нате... Еще голос подает. Ладно, раз так получилось, надо все заканчивать. И возвращаться тем же ходом.

Человек, который подошел первым, присел на корточки. Петя, прищулив здоровый глаз, заглянул ему в лицо, освещенное автомобильными фарами. Человек как человек, лет сорок с лишним, светлый костюм, из уха торчит клочок ва-

ты. Мужик наклонился ближе, словно хотел понять, Петя действительно жив и в сознании или переживает последний приступ агонии.

– У, блин. Черт... Е-мое.

– Чего с тобой? – спросил кто-то из темноты.

– В ухе стреляет. Наверное, я хожу не к тому врачу. Это фитиль в нестранном халате месяц не может определить, что у меня за болезнь. Жру антибиотики горстями. И никаких сдвигов.

– Ну, ты долго будешь возиться? Или тебе трудно это сделать?

– Не трудно, – ответил человек, страдающий болью в ухе. – Легче, чем отправить телеграмму любимой мамочке. И, главное, дешевле.

Мужчина протянул обе руки к Пете, приподнял голову. Одной лапой крепко ухватился за подбородок слева, другой рукой вцепился в волосы справа. Резко дернул на себя подбородок, другой ладонью с силой толкнул в висок. Последнее, что услышал Петя, хруст шейных позвонков.

На место встречи, перекрестке двух дорог местного значения, Саша Бобрик, боясь опоздать, прибыл раньше назначенного времени. Он съехал на обочину, слез с мотоцикла и, повесив шлем на руль, Бобрик прошелся вдоль дороги до

развилки, осмотрелся по сторонам. Узкая дорога, по которой он сюда приехал, проходила лесом и упиралась в такую же двухрядную дорогу, пересекавшую первую под углом девяносто градусов.

На той стороне, сколько хватает взгляда, тянется глухой забор дачного товарищества, увенчанный тремя нитками колючей проволоки. Видны крыши домиков, макушки старых яблонь и ближний скворечник на длинной жердине. У дорожной развилки будка автобусной остановки, сложенная из бетонных плит. Возле нее прямо на землю свалены огромные потрепанные рюкзаки, спортивные сумки и палатки в чехлах, поверх этого добра расстелили спальный мешок. На рюкзаках спят три девчонки в брезентовых робах. Один парень разлегся на жесткой скамейке, накрыв голову газетой. Еще двум парням удобных мест не досталось, они устроились в траве на обочине, перевернув гитару, разложили на ней карты. Видимо, туристы не успели на последний автобус и, дожидаясь утра, провели ночь у дороги. Один из парней, оторвавшись от игры, помахал мотоциклисту рукой. Бобрик махнул ладонью в ответ, пожалев туристов, которым еще долго тут торчать.

На небе уже отпечатался свет блеклой зари, но солнца еще не видно. В оврагах у обочины лежит туман, от которого скоро не останется следа, слышен унылый голос кукушки. Следить за кукованием, подсчитывая, сколько еще лет остается топтать землю и копить небо, почему-то не хотелось. Тя-

желая после бессонной ночи голова соображала туго, душе было тоскливо и мутно. Место тихое, вдалеке от станции, здесь не слышен шум поездов и гул автомобилей, проезжающих по основной трассе. Прикурив сигарету, он проводил взглядом грузовик с песком и долго разглядывал неприличную картинку и надпись из трех слов на дачном заборе. Картинка хорошая, она и без слов понятна, поэтому матерщина тут ни к чему, – решил Бобрик.

На лесной дороге показался передок светлого джипа «Ниссан», машина погасила скорость на повороте, свернув налево, покатила следом за грузовиком. Бобрик успел прикурить вторую сигарету, когда наконец показался БМВ, стекла тонированные, а утренний свет еще слишком робкий, хрен разглядишь, кто сидит за рулем, кто на переднем пассажирском сидении. Тачка шла медленно, доехав до поворота, тормознула, мигнув задними фонарями. Фомин сказал, что его дружбан пылинки сдувает с машины, но внешний вид тачки говорил об обратном. Новый седан выглядит запущенным и неряшливым. Видимо, этой ночью автомобиль много и долго колесил по грунтовым дорогам, попал под ночной ливень, в довершении всего искупался в болоте. И не собирается отправляться на мойку. На передних крыльях и на корме засохшая грязь, задний бампер и номерной знак перепачканы глиной. Машина пропала из вида.

Бобрик остался стоять на обочине. Неторопливо докулив сигарету, он потянулся, растопырив локти по сторонам

и расправив плечи. Выплюнул окурок, повисший на губе. Вернувшись к мотоциклу, засунул шлем в дорожный кофр, повязал голову косынкой и надел темные очки. Уселся в седло и, газанув с места, шустро прошел поворот. Набирая скорость, промчался метров триста, в наклоне заложил еще один вираж. Небольшой дорожный просвет ограничивал мотоцикл в поворотах, нижняя часть глушителя чиркала об асфальт, высекая искры.

Впереди прямой участок, пустая дорога поднималась вверх, слева неровное поле, заросшее мелким кустарником, справа из-за забора поднимается корпус то ли недостроенного предприятия, то ли огромного склада. Впереди маячила бэха, которая неторопливо плелась вдоль обочины. Бобрик подумал, что водителю не хватает опыта или спортивного азарта, на дороге, где из тачки можно запросто выжать сотню с гаком, он катит со скоростью колхозного трактора.

Расстояние быстро сокращалась, через минуту Бобрик сел на задний бампер БМВ, водитель которого, заметив мотоциклиста, неожиданно прибавил хода. На этом участке двухрядное шоссе сузилась, пространство слева и справа, за глубокими канавами, заполнили молодые деревья и кустарник, впереди поднимались стволы елей, через полтора километра дорога, делая поворот, уходила в лес. Если уж плевать на

стекло, то сейчас.

Бобрик, повернув руль, резко набрал скорость, поравнялся с БМВ, по встречной полосе обошел тачку на полкорпуса и, обернувшись назад, плюнул через правое плечо. Плевок повис на грязной дверце бэхи. Кажется, водила ничего не заметил. Во рту сушняк, чтобы собрать слюну, потребовалось еще несколько секунд. Автомобиль и мотоцикл на встречной полосе ехали вровень. Бобрик оглянулся назад, примериваясь, чтобы на этот раз не промазать, втянул носом воздух и смачно плюнул на стекло. На этот раз плевок, подхваченный ветром, улетел непонятно куда, даже не коснувшись машины.

В то же мгновение впереди, буквально в трех десятках метрах от мотоциклиста вырос радиатор светлого джипа. «Ниссан» летел навстречу, не сбавляя скорости. На раздумье оставалось малая толика секунды. Бобрик совершил двойную ошибку, задействовав одновременно задний и передний тормоз. Мотоцикл подпрыгнул, норовя сбросить с себя седока, вильнул вправо, едва не оказавшись в кювете, снова повис на корме БМВ. Эта ошибка, двойное торможение, позволила выиграть тысячную долю секунды и спасла жизнь. Джип, водитель которого не пытался сбросить газ, пронесся по встречной полосе со скоростью урагана.

Немного отстав об бэхи, Бобрик только сейчас почувствовал внутреннюю дрожь. Предплечья и кисти рук подрагивали, сердце трепыхалась в груди, как бабочка в сачке, а но-

ги сделались свинцовыми. Кажется, водители бэхи и «Ниссана», не сговариваясь, решили просто растереть мотоциклиста кузовами автомобилей. В таком состоянии нельзя ехать дальше, черт с ними с деньгами, с плевком на лобовуху, он жив – это главное. Плавно снизив скорость, Бобрик остановился на обочине. Прямая дорога уже вошла в лес, ветер стих. Сейчас он установит мотоцикл на центральную подставку, а сам спустится в овраг, посидит на траве несколько минут или, чтобы успокоить нервы, пройдет по лесу. Рука, расстегнув молнию кожанки, сама потянулась за сигаретами. Бобрик заметил, что бумер сбавил ход и, кажется, тоже собирался остановиться. Зачем? С какой целью? Чувство тревоги уже не отпускало, оглянувшись назад, Бобрик замер с открытым ртом.

Джип, уже совершив разворот, возвращался, набрав ход, он на всех парах несся к мотоциклисту. Именно этот «Ниссан» проехал мимо, когда на развилки дорог Бобрик ждал черную бэху. Времени на размышления не оставалось. Бросив пачку сигарет, Бобрик рванул с места. Догнав БМВ, Бобрик хотел обойти ее по встречной полосе, но тачка вильнула, не позволяя совершить маневр, сама выехала на встречную полосу, снова вернулась в свой ряд, когда мотоцикл пошел на обгон справа. В зеркальце Бобрик видел, что джип сокращает дистанцию и, кажется, водитель настроен очень серьезно. Снизив скорость, Бобрик увеличил расстояние до БМВ на три автомобильных корпуса, затем воткнул послед-

нюю передачу, стремительно ускорился, обошел машину по обочине, не позволив сбросить себя с дороги.

– Вот же плюнул на стекло, – про себя шептал Бобрик. – Вот же, блин, плюнул.

Он успел подумать, что остался неисправимым романтиком. Всегда ждал от жизни большего, чем она могла дать. И в конечном итоге получал шиш. Он раскатал губы, мечтая заработать пять сотен, а вместо этого умрет, так и не поняв, в какую историю он влип, за какую провинность его грохнули.

На плохом асфальте движок работал жестковато, словно задышался от быстрого бега, стрелка тахометра никак не хотела перебираться за отметку три тысячи оборотов. Она ползла вверх, доходила до какой-то точки, дрожала и начинала обратное движение. Бобрик обернулся назад, передок бэхи всего в двух десятках метров от его заднего колеса. Если соприкосновение все же произойдет... Об этом подумать страшно. Налетевший ветер подхватил легкие пластиковые очки, сдул их с носа.

– Черт, черт, – проорал он неизвестно кому, и не услышал своего крика. – Мать вашу... Очки...

Встречный ветер, скорость сотня с хвостиком, а тут еще глаза слезятся. В следующую секунду с головы сдуло косынку. Подумать о каком-то маневре, оторваться от бэхи, выиграв хотя бы несколько секунд, тормознуть и заложить крутой поворот на узкой трассе. А потом рвануть обратным ходом навстречу БМВ. И в последнее мгновение, вильнуть в сто-

рону, и уйти от столкновения и вырваться на открытый простор. Хорошая задумка, хотя и очень рискованная. Но для начала нужно выиграть эти несколько секунд. Это трудно, чертовски трудно. Но, совершив этот опасный маневр, нужно будет уходить и от «Ниссана». Два раза кряду не повезет.

Чтобы снизить сопротивление воздуха, Бобрик, мертвой хваткой вцепился в руль, пригнул корпус к бензобаку и сжал ноги. Масляный щуп больно впился во внутреннюю поверхность бедра. Ветер свистел в ушах, слезы застилали глаза, кажется, дорога уходила из-под колес, металлические тяги с трудом ограничивали вибрацию двигателя. Толстая задняя шина, поставленная накануне, как ни странно, не давала хорошего сцепления с асфальтом. Впереди еще один поворот, который, чтобы не упасть, надо пройти, не сбавляя газа, хотя инстинкт подсказывает обратное.

Входя в вираж, Бобрик увеличил скорость, не нарушив устойчивости мотоцикла, с блеском прошел поворот, выиграв у тормознувшей бэхи еще несколько секунд. Но через мгновение впереди появился новый изгиб дороги, на этот раз Бобрик зашел в поворот слишком широко, мотоцикл положил слишком низко, вылетев на встречную полосу. Задняя покрышка, выплевывая мелкие камушки, скользнула по асфальту, как по льду, мотоцикл отнесло к самой кромке асфальта, но чудом не выбросило с дороги.

Бобрик едва успел перескочить на свою полосу, когда навстречу пролетел жигуленок цвет которого, невозможно раз-

глядеть. На короткое мгновение мотоциклист увидел лицо водилы, белое, как простыня, перекошенное то ли от страха, то ли от удивления. В зеркальце заднего вида можно было разглядеть, на джип, мчавшийся по встречной, вильнул в сторону, успев уйти от лобового столкновения с «жигулем», чиркнул его вдоль кузова передним крылом. Скрип резины, «Жигули» выбросило на обочину, машина перевернулась на бок, затем на крышу. И сползла в глубокий кювет. Картинка исчезла.

Сделав полукруг поворота, Бобрик не увидел в зеркальце передка БМВ, оглянулся. Тачка, исполняя маневр, сбавила обороты, но теперь, на прямом участке, нагоняла упущенное время, сокращая расстояние. Теоретически бэха разгоняется до двухсот пятидесяти километров, но это на прямом участке дороги с отличным покрытием. А сейчас, если за рулем не мастер спорта по авторалли, тачка и ста двадцати не сделает. Паршивый асфальт, узкая дорога с множеством изгибов. Улетишь в лес навстречу первому дереву в два обхвата толщиной – и в лепешку.

Подмывало дать по тормозам, бросить мотоцикл и убежать в лес. Но у этого варианта свои серьезные изъяны. Оставить мотоцикл – все равно что бросить лучшего друга на растерзание бешеным псам. Кроме того, уйти от погони на двух колесах легче, чем уйти на двух ногах. Однако плохой асфальт совсем скоро кончится, судя по атласу автомобильных дорог, впереди трасса с приличным покрытием. Там шуст-

рый джип и бэха свое наверстают, по прямой от них не уйти. Надо сделать то, что задумал. Не откладывая ни на минуту.

На скорости Бобрик проскочил зеленый щит указателя и поворот на узкую грунтовку, уходящую в лес. Самое время оторваться. Сейчас или никогда.

– Господи, – прошептал Бобрик. – Господи спаси...

Он резко тормознул, вывернул руль, врубил последнюю передачу, помчавшись навстречу БМВ. Машина шла на него, держась точно посередине разделительной линии. Пятьдесят метров, тридцать. Наверное, водитель бэхи и все пассажиры уже пристегнуты ремнями, они готовы к лобовому столкновению, которое оставит от мотоциклиста и его аппарата мешок кровавых костей и несколько искореженных железяк. Двадцать метров, пятнадцать...

Бобрик вильнул вправо, пролетев по самому краю обочины над кюветом, оставил бэху за спиной. Отставший «Ниссан» где-то впереди, но пока его не видно. Мотоцикл свернул на грунтовку. Колеса проваливались в глубокие колеи, заполненные дождевой водой, подпрыгивали на выступавших из земли корнях. Неизвестно, куда вела дорога, где она кончится. И думать об этом некогда, когда единственная цель – спасти жизнь. Бобрик остановился, выскочил из седла, сжав рукоятки, навалился на бензобак грудью, вытолкнул мотоцикл из жидкого месива в придорожные кусты и дальше, за старую ель, закрывающую собой все обозримое пространство. Через минуту в просветах между деревьями мелькнул

и пропал светлый кузов «ниссана».

Склон уходил вниз, в овраг, на дне которого журчал ручей. По извилистому руслу Бобрик тащил мотоцикл еще какое-то время, минут десять или целый час, пока окончательно не выбился из сил, руки сделались непослушными, а колени стали сами собой подламываться от усталости. Он взглянул в зеркальце на свою бледную заляпанную грязью физиономию и понял, что дальше идти не сможет. Если его убьют, пусть это случится здесь и сейчас. Он бросил мотоцикл. Тяжело дыша, повалился спиной на траву и, дождавшись, когда сердце перестанет бешено молотиться в груди, прислушался. Поскрипывает ствол старой сосны, ветер гудит в макушках деревьев, вдалеке незнакомым голосом поет птица. Ни человеческих голосов, ни шума автомобильного мотора. Бобрик упал на колени перед ручьем и напился воды. Кажется, пронесло.

Глава пятая

После обеда придорожная забегаловка «Водокачка», где час назад яблоку негде было упасть, опустела. Все те, кто хотел помянуть кружкой пива покойного Петьку Гудкова, сели на мотоциклы и поехали обратно в Москву. За длинным столом в углу остались несколько старых приятелей, которым в этот будний день некуда было спешить.

Саша Бобрик, сидевший на почетном месте во главе стола, неспешно накачивался пивом и смолил сигареты. Сегодня он стал центром внимания всей байкерской тусовки, подробно пересказав историю последнего загородного путешествия с Петькой Гудковым, ночевку в поле и возвращение в Москву, он опустил все страшные подробности убийства, свидетелями которого они стали. Бобрик попридержал язык, потому что не хотел никого грузить собственными проблемами и еще боялся, что ему не поверят, как не поверили те поселковые менты.

Слева сидел Элвис, одетый в обрезанные выше колен джинсы, кожаную жилетку на голое тело и высокие солдатские ботинки, он все больше мрачнел и все меньше говорил. Сегодня он, проторчавший все утро на кладбище, был настроен на грустный философский лад.

– Я одинок, как вода, текущая из крана, – Элвис прикончив очередную кружку, щелкнул пальцами и махнул рукой

буфетчику: подгребай сюда и повтори. — Впрочем... Не совсем как вода. И не совсем одинок.

Он опустил руку и ущипнул за мягкое место девочку, сидевшую рядом на скамейке. Кажется, ее звали Лена, очередная подружка, которую Элвис то ли склеил в мужском клубе, то ли выиграл в карты. В девчонке не было ничего особенного, на такую в толпе не оглянешься, она немного робела в новой компании и редко открывала рот. Возможно, ей просто нечего было сказать.

Достав ножик, Элвис положил на столешницу растопыренную пятерню, потыкал клинком между пальцев, то ускоряя, то снижая темп. Несколько раз он промахивался, попадая острием в палец, слизывал выступившую капельку крови, но своего занятия не бросал.

Справа от Бобрика канифолил задом скамью Дмитрий Радченко или просто дядя Дима. Этот золотой мальчик объездил и укротил все престижные модели мотоциклов, вдребезги разбил новый спортбайк Сузуки и Хонду. Он греб деньги обеими руками и мог позволить себе раз в полгода раздолбать навороченный аппарат, а на следующий день купить новый, еще круче. Радченко партнер престижной адвокатской фирмы, он выигрывал все уголовные дела, за которые брался, все без разбора.

В этот скорбный день Дима надел застиранную майку с надписью «Возьми меня на асфальте», в знак траура повязал на плече черный платок, а темные длинные волосы подобрал

желтой косынкой. Видимо, сегодняшние похороны не прибавили Радченко оптимизма, заставив задуматься о бренности всего земного. Рядом с адвокатом сидела Лариса Демидова, она пила минеральную воду и жевали соленые сухарики. О Демидовой Бобрик знал не так уж много: потрахаться с ней хотели многие, но она культурно отбрила всех парней, у нее есть какая-то тайная любовь, но о своих чувствах Лариса не любит распространяться вслух. Она вообще не слишком разговорчивая. И еще одна вещь: всех мужиков, которые не ездят на мотоциклах, она презрительно называет кексами. Сегодня Лариса отпросилась с репетиции в театре, где она танцевала в каком-то на шумевшем мюзикле. Можно было заметить, что Элвис часто останавливает взгляд на девушке. И смотрит как-то странно, с любовью или нежностью. Так пьяница рассматривает полную бутылку, из которой еще не успел сделать глотка. И никогда не сделает.

На дальнем углу скамейки устроился Эдик по прозвищу Иностранец. Точнее, на скамье помещался зад Иностранца, сам он грудью лежал на столе, подложив под голову костлявое предплечье, сладко сопел. Эдик засадил два косяка подряд, залив это дело водкой, заполировал пивом и временно отключился. Все знали эту особенность Эдика, спать за столом, когда немного перебирает, вскоре он очнется, сядет на свою «Хонду» и на дороге будет трезвее трезвого. Свое прозвище он получил за то, что три года жил где-то за границей и вернулся оттуда в полном восторге. «Там в дурке в сто раз

лучше, чем у нас в санатории», – говорил Эдик, когда его спрашивали о заграничных впечатлениях. «Так чего же ты там не остался?» Меня не очень-то хотели оставлять. По их понятиям я слишком буйный, совсем потерял педали", – отвечал Эдик.

– Человека тянет к саморазрушению, – сказал Радченко, закончив свои размышления. – С этим ничего не поделаешь. С этим можно только смириться и жить дальше.

– Жить дальше, – передразнил Элвис. – Вот ты лично когда собираешься прибраться?

– В каком смысле?

– Ну, через год, на следующей неделе, завтра? Или ты себе сто лет намерил?

– Отвянь со своими примочками, – поморщился Радченко. – Сегодня меня тошнит от загробной философии. Петька Гудков лично мне не сообщал, на какой день запланировал свои похороны. Он просто катил по темной дороге. Влетел в какого-то козла, который обосрался и уехал с места происшествия. И вот мы сосем пиво, а он там... Надеюсь, Петька недолго мучился перед смертью. Секунду или две секунды, не дольше. Удар... И все кончено.

– Кончено, – тупо повторил Элвис. – Вот ты или я, сколько раз мы бились на мотоциклах. И хоть бы хрен. Пара переломов конечностей, сломанные ребра – это не в счет. Почему так?

– Потому что я собираюсь еще немного пожить, – ответил

Радченко. — И бог, кажется, не против моей затеи. Потому что в нашем поганом существовании, сплошном паскудстве, называемом человеческой жизнью, у меня есть цель.

— Вот как... Какая именно? Хапнуть вагон денег, вывезти его в Швейцарию? И там все прожрать? Но только медленно, чтобы хватило до пенсии.

— Ну, зачем же так примитивно? Я мечтаю о высоком. О том, что у меня родится сын. И я доживу до того времени, когда он повзрослеет. И сумеет воспринять меня таким, какой я есть. Короче, я живу только для того, чтобы дать своему будущему сыну пару советов. Совет первый: главное не быстро ездить, а умело маневрировать. Второе: в этой жизни можно многое сделать, если не надорвешься раньше времени. Поэтому, сынок, не напрягайся. Вот и все. Я скажу эти слова, а потом можете примерить на меня деревянный макинтош.

Элвис поднял запотевший графин, который поставил на стол буфетчик Антон Васильевич по прозвищу Тоник, он же хозяин заведения. Разлив пиво по кружкам, кивнул Бобрику.

— Ну, скажи что-нибудь.

Бобрик подумал минуту. Сдул пену с пива, он искал какие-то хорошие торжественные слова, подходящие случаю, но ничего особенного в голову не приходило. Пустые житей-

ские воспоминания.

– С Петькой Гудковым мы вместе выросли. Мы жили в небольшом городе, где все друг друга знают. Почти как в деревне. Занимались мотокроссом на стадионе «Урожай» у одного тренера. Потом Петька ушел в армию, потом пришла моя очередь. И мы встретились только через четыре года. Выпили пива в привокзальной забегаловке и решили открыть собственный бизнес. Но из этого не вышло ни хрена хорошего. И Петька спрыгнул с этой карусели. Через некоторое время мы снова встретились, уже в Москве. Петька мечтал бросить работу водилы персональщика, эту службу он считал холуйской. И еще он хотел жениться. Но успел сделать ни того, ни другого. Жаль. Чтобы на том свете все мечты сбывались.

Бобрик щелкнул пальцами, давая понять, что короткое выступление уже закончено, и ополовинил кружку. Помолчал минуту и добавил:

– Петьке неважно жилось в Москве, тоскливо. Здесь у него не было ни одной родной души кроме нас с вами. Последнее время он много бухал. А когда нажирался, даже не выходил в сортир. Ссал прямо в распахнутое окно.

Иностранец проснулся, поплевав на ладонь, пригладил пятерней длинные патлы и допил пиво. Выпотрошил на стол папиросу, вытащил щепоть травки из спичечного коробка. Смешав канабис с табаком, набил косяк, прикурил от спички.

– Клева вещь, – сказал он, глубоко затаившись, и подмигнул Радченко. – Хочешь дернуть, юрист?

– Я завязал окончательно, – покачал головой дядя Дима. – У нас в конторе трижды в год стали проводить медицинское обследование сотрудников. Чистая принудилка, нельзя отказать. Сроки проведения обследования – тайна. Прямо в офис приезжают врачи. Если в моей моче найдут следы этой дряни, я потеряю в жизни все. И уже никогда не верну.

– Курить я еще никого не заставлял, – Иностранец глубоко затаился и, провоцирую дядю Диму, закатил глаза якобы от удовольствия. – Какой кайф...

И пустил папироску по кругу. Тут девчонка Элвиса обрела дар речи, Ленка повисла у него на плече.

– Ну, не надо дрянь сосать. Пожалуйста. Ради меня.

Элвис плюнул на кончик папиросы, бросил ее на пол и раздавил подметкой.

– Если женщина просит, я подчиняюсь.

– Элвис, лапочка, – Ленка продолжала висеть у него на плече. – А если бы ты не выиграл в карты? Если бы ты проиграл?

– В карты не проигрываю.

– Я сказала «если». Что бы тогда случилось? Я бы сгнила заживо в той помойке, да? Ты бы меня там оставил? Бросил там?

– Все равно бы забрал, – покачал головой Элвис.

– Правда? – Ленкины глаза искрились, то ли от выпитой

водки, то ли от большой настоящей любви. — Ты не отдашь меня обратно этим сволочугам?

— Никогда, — Элвис допил кружку, ладонью стер с губ пену, обернулся к буфетчику. — Эй, ты чего там уснул что ли?

Буфетчик Тоник, усатый мужик в застиранном фартуке, уже мелко семенил к столу. Составив с подноса два графина свежего бочкового пива и блюдо с креветками, он ответил нечто похожее на реверанс и улыбнулся, ослепив посетителей блеском золотых коронок. Буфетчик знал: когда здесь останавливаются мотоциклисты, можно ждать отличных чаевых или большой драки. В прошлый раз парни, просто так, не поймешь из-за чего, схлестнулись с водителями большегрузных фур. Дальнобойщики оказались мужиками неслабыми и совсем неробкими, но фортуна оказалась не на их стороне. Кровь с пола пришлось смывать из резиновой кишки, от витрины остались одни воспоминания. Хорошо хоть никого не замочили. Мотоциклисты покрыли все убытки и даже сверху накинули, чтобы без обид. Но сегодня парни грустные, видно, все обойдется без рукоприкладства, без разбитой витрины и кровищи. А чаевые, считай, уже на кармане. Эти парни копейки не считают, они кидаются рваными по чем зря.

Бобрик ждал, когда из забегаловки отчалит Элвис, чтобы

увязаться за ним и поговорить в четыре глаза, рассказать о том, какие страхи не дают спокойно спать ночами. Посоветоваться о том, что делать дальше. Но, кажется, Элвиса домкратом не поднять со скамейки, он залип здесь надолго, возможно, до поздней ночи. Бобрик глянул на Диму Радченко, подумав, что адвокат не позволит себе таких вольностей, торчать в пивняке до закрытия, он совсем скоро сядет на мотоцикл и даст по газам. Может быть, стоит посоветоваться с дядей Димой. Он знает законы, даст умный совет, кроме того, Радченко самый трезвый за этим столом, если не считать Ларисы Демидовой. Прямо здесь и поговорить, не откладывая в долгий ящик. Но дядя Дима сам обратился к Сашке:

– Боб, ты чего на похороны не пришел? Уклонист хренов.

– Я, то есть мы с Петькой, с покойным Петькой, влипли в историю, – Бобрик вытащил из кармана и протянул дяде Диме несколько исписанных листков. – Я вот тут все написал, как было. Ну, что случилось со мной и Петькой. И еще кое-что добавил от себя. Мысли, предположения.

– Боб, у тебя есть собственные мысли? – удивился Радченко. – И даже предложения? Ты меня удивляешь. Интересно, по поводу чего?

– Дядя Дима, почитай. Это вроде заявления в правоохранительные органы. Только не знаю, куда с этими бумажками идти. В ментовке мы с Петькой уже были. Значит, в прокуратуру? Если не найдется человека, который посоветует что-то дельное, через неделю, а то и раньше, меня закопают ря-

дом с Петькой.

– Ну, давай свой опус, – Радченко взял листки, вытер стол салфеткой и начал читать, водя пальцем по строчкам. – Слово «сенной» пишется с двумя н.

– Ты не ошибки проверяй, вникни в смысл.

Последние двое суток Бобрик провел в доме дальнего двоюродного дяди, в поселке Большие Котлы, что в двадцати с лишним верстах от Сергиева Посада. Родственник, одинокий мужик, с которым не виделись года три, встретил племянника по первому разряду, выставив на стол все, что было под рукой: поллитровку мутного самогона, чугунок картошки со своего огорода и банку рыбных консервов. Совсем нехилый прием по тамошним понятиям. У дяди Лени можно пожить еще день-другой. Но это край. Впутывать в свои дела престарелого инвалида – последнее дело.

Бобрик, прикурив сигарету, подумал, попросится неделю пожить у Элвиса. Завтра попытается созвониться с одним мужиком из автосервиса, чтобы тот забрал из строительной общаги сумку со шмотками и передал ее Бобрику возле метро «Автозаводская». На работу он больше не выйдет. Жаль терять приличное место. Хозяин, он не хуже и не лучше других частников, Амбарцумян не баловал своих мастеров деньгами, но и не хреном не оставлял. На сервисе можно было в рабочее время поковыряться с мотоциклом, плюс бесплатная ночлежка. Но теперь выбора нет. Туда больше ни ногой.

Здоровенный мужик с больным ухом, назвавшийся Фоминым, и его дружки ищут Бобрика с фонарями по всей Москве. На сервис они уже наверняка сунулись, и еще придут. Пробьют адрес его бывшей квартирной хозяйки. Возможно, заявятся к тете Зине с гвоздодером и этим неудобным инструментом удалят ей несколько зубов или настучат по коленям. Так, для затравки, чтобы разговор шел поживее. Поэтому надо искать спокойное лежбище и ждать, пока не окончится кипеш. Элвис – тоже временный вариант, он человек непростой, если очень захочет, потерпит гостя пару дней, на большее не рассчитывай. Но и пара дней – не хвост собачий. За это время Бобрик, пожалуй, успеет подыскать еще один запасной аэродром, где можно приземлиться и переждать бурю.

– И слово расчлененный, в нашем случае расчлененный труп, который по твоему утверждению бандиты спрятали неподалеку от сарая, тоже пишется с двумя буковками н, – Радченко отложил в сторону прочитанные страницы, вытащил очки, нацепил их на нос. Значит, чтение его захватило. – Кто тебя грамоте учил, двоечник?

– Какой еще расчлененный труп? Это вы о чем? – Лариса Демидова, хранившая молчание, наконец открыла рот. Взяла две первые странички и погрузилась в чтение. – Так, так... Уже интересно.

Бобрик сквозь пыльную витрину смотрел на дорогу и думал о том, что стать своим человеком среди байкеров, за-

воевать в этой пестрой компании хоть какое-то положение довольно просто. Нужно чем-то выделиться из общей массы: грубой силой, мастерством вождения мотоцикла или навороченной тачкой. Если у тебя нет ни того, ни другого, ни третьего, на скорое признание можешь не рассчитывать. На Сашу Бобрика здесь обратили внимание, когда его мотоцикл занял второе место на конкурсе байкерского клуба «Сокол» по классу «самопалов», а позже Боб был задержан сотрудниками ДПС за превышение скорости, грубое нарушение правил движения и езду в нетрезвом состоянии на мотоцикле неустановленной конструкции. Позже людям стало известно, что Бобрик кандидат в мастера по мотокроссу. И он получил место за столом, где сидели совсем взрослые мальчики и девочки.

– Это чего, шутка? – Лариса посмотрела на Бобрика удивленно. Да, за такие глазищи можно полжизни отдать, не случайно Элвис пялится на нее, даже не может скрыть свой интерес. – Но ведь Петька Гудков погиб ненасильственной смертью? Он разбился на мотоцикле. А ты пишешь, что его якобы...

– Это мое предположение.

Листки пошли по кругу, Элвис, дочитав вторую страничку, только усмехнулся.

– Что это за оружие? – спросил он. – Саша, ты чего, клея нанюхался?

– Про клей меня еще менты спрашивали, – Бобрик поту-

шил окурок о подметку башмака. – И почему-то удивились, когда узнали, что не пью одеколон и даже тащусь от «Момента».

– М-да, все это как-то сомнительно, – поддакнул Радченко. Закончив чтение, он передал последний листок Элвису, снял очки и пожал плечами. – Я попадал в разные переплеты, но такое... В страшном сне не приснится. Если, конечно, все это правда.

– Я пишу о том, что ви́де, что знаю. Но мне не верят.

– Не верят? – переспросил дядя Дима. – Нужны доказательства. Желательно – вещественные.

– Будут доказательства. Кто поедет со мной? – Бобрик обвел взглядом людей, сидевших за столом.

– Вместе поедем, все, – ответила Лариса.

– Нет, должен ехать кто-то один, в крайнем случае, двое, – покачал головой Бобрик. – Это крошечный поселок, по московским меркам – деревня. Там сроду не появлялась такая публика. На мотоциклах, в коже. Вся поездка не займет много времени. Часа через два с половиной мы уже будем здесь.

– Тогда я с тобой, – Элвис сунул в карман нож и хлопнул по заду свою новую подружку. – А ты жди. Дядя Дима пусть тоже едет. Куда мы без него.

Радченко пожал плечами. Он знал за Бобриком талант влипать в странные истории, от которых пахнет уголовщиной. И вот очередной номер, который наверняка плохо кончится для всех его участников. Радченко – партнер со-

лидной адвокатской конторы, услугами которой пользуются крупные бизнесмены, звезды шоу-бизнеса и даже политики, надо беречь собственный статус, без крайней нужды, без приличного гонорара не ввязываясь в предприятия, от которых за версту прет дерьмом. Кроме того, есть планы на вечер. Так, что-то вроде небольшой халтуры: его ждет одна интересная дамочка, которая мечтает обсудить с молодым адвокатом свои семейные отношения, давшие серьезную трещину после измены мужа, уточнить размер денежной компенсации, которую можно хапнуть по решению суда. И переться сейчас в какую-то деревню у черта на рогах, чтобы подставляться. Нет, такие варианты не для дяди Димы.

– Пожалуй, я не смогу, – Радченко взглянул на часы, свел брови и покачал головой. – То есть никак не получается. Сегодня вечером у меня важный разговор с начальником. Его нельзя отложить или перенести.

– Дима, ты отложишь этот мифический разговор, – Лариса прищурилась. – За столом нет ни судей, ни присяжных заседателей. Поэтому врать необязательно.

– Но я... Хорошо, черт с вами, – Радченко поднялся на ноги. – Начальнику позже позвоню.

Когда Лариса настаивала на своем, дядя Дима всегда соглашался, сдавая позиции без боя.

Через окно рабочего кабинета Игоря Сергеевича Краснопольского, в криминальных кругах больше известного под кличкой Приз, открывался захватывающий вид на заводскую свалку. Кучи металлолома, отвалы из обрезков линолеума, остов грузовика, ржавая будка трансформаторной подстанции. В стороне на асфальтированной площадке черный БМВ седьмой серии, принадлежавший Краснопольскому. Второе окно выходило в цех, но через мутные, покрытые вековой пылью и копотью стекла, невозможно наблюдать за трудовой жизнью родного коллектива.

– Что-то я не втыкаюсь, Жора, объясни мне еще раз, – Краснопольский, стряхнув сигаретный пепел в банку из-под пива, строго посмотрел на человека, сидевшего с другой стороны стола. – Почему этот малолетний урод, как там его... А, Бобрик. Блин, ну и фамилия. Это точно фамилия, не кликуха? Хорошо. Так вот, почему этот паршивый хрен еще жив?

Евгений Фомин выглядел уставшим и вялым. Пальцами он мусолил галстук, поправляя узел, съезжавший на сторону, глубже запихивал в больное ухо клоч ваты.

– Игорь, не сходи с ума, – Фомин поморщился. – Все слова уже сказаны. Я пришел в бокс автосервиса. Бобрик сидел в смотровой яме. И вокруг ни души. Удобный момент, чтобы все кончить. Но когда он вылез, возле бокса стал топтаться

дворник. Ну, что мне и старика положить рядом? А заодно уж, коли начал, сжечь к чертям весь этот поганый сервис.

– Жора, ты теряешь квалификацию. Раньше ты умел хорошо обращаться с пушкой и пером. А теперь... Господи... Дворник ему помешал.

– Когда Бобрик приехал на встречу, ну, чтобы плюнуть на стекло бэхи, мы могли положить его прямо на перекрестке. Но в двух шагах от него, на автобусной остановке, торчала целая кодла туристов. Девки, парни... Хрен поймешь кто. Пришлось гоняться за ним. Бобрик ушел потому что...

Приз перестал слушать жалкие оправдания. В тяжелые минуты жизни, когда душа требовала поэтической созерцательности, а не рутины трудовых будней, Игорь Сергеевич, водрузив ноги на рабочий стол, перелистывал страницы книги «Звездное небо» или разглядывал плакаты полуголых девиц, пришпиленные конторскими скрепками к противоположной стене. Одна из девок, полногрудая, с плоским животом и отключенным задом, очень напоминала Краснопольскому его близкую подругу Леру. В ее лучшие времена. Теперь от той уникальной красоты мало что осталась, пока Краснопольский долгих пять лет на зоне строгого режима гнил в ШИЗО и топтал гнилую мордовскую землю, Лерка подсела на иглу, окончательно скурвилась и пошла по рукам. Теперь она – ни на что не годная дешевая потаскушка, которая обретается в кафе «Желтый попугай» что в районе трех вокзалов. Чтобы наскрести на дозу дряни, снимает пья-

ных вахлаков. Ублажая клиентов, исполняет в постели всякие непотребные номера и симулирует оргазм.

– Хорошо, я понял, – сказал Приз. – Там дворник, там туристы. В поле ветер, в жопе дым. С одним мотоциклистом у нас все получилось. А с другим ничего не выходит. Почему так?

– Парень умеет прятаться, – Фомин замычал и поморщился. – Черт, ухо болит. Игорь, все будет тип-топ. И беспокоиться не о чем. Я навел справки об этом Бобрике. Он весь как на ладони. Пара наших парней дежурит у сервиса, они поговорили со строителями из той общаги, где Бобрик ночует. То есть ночевал до недавнего времени. Малый оставил под своей койкой сумку с барахлом. Там паспорт и немного денег. Он явится за своими вещами или попросит кого-то из коллег привести ему сумку. После этого он наш.

– А если не явится? Со страху забудет о своей сумке? Он ведь знает, что его ищут не затем, чтобы пригласить на пельмени.

– Есть другие концы. Он заядлый мотоциклист, член байкерского клуба «Серебряная стрела». Гоняет на мотоциклах с такими же недоумками, как он сам. Можно попытаться поискать его среди этой публики. Но я бы на его месте совсем уехал из Москвы. Он родом из Никольска, есть такой городишко в пяти сотнях верст отсюда. Наверняка у Бобрика остались там кореша или родственники. Плясать надо от печки.

– Жора, у нас мало времени, чтобы заниматься художественной самодеятельностью, – поморщился Приз. – Плясками и танцами. Парень накатал одно заявление в легавку. Он может накатать вторую телегу. Толку от этой писанины немного, трупы не найдут. А поскольку нет пострадавших, никто не станет всерьез заниматься заявами такого уroda. Но чем черт не шутит. Из-за пацана, жизнь которого ничего не стоит, может сорваться большая сделка. Мы потеряем все. Поэтому Бобрик – наша головная боль. Избавиться от нее надо очень быстро.

– Понимаю, – кивнул Фомин. – Что-то ты сегодня плохо выглядишь.

– Посиди в этой вонюху пару дней, совсем копыта отбросишь, – пожаловался Приз. – Чувствую себя как корова, которую доят каждый день, а е..ут раз в месяц. Только и делаю, что слюнявлю бабки. Одни расходы и никаких удовольствий. И ты не хочешь меня порадовать.

– Потребуется дней пять-шесть, чтобы найти Бобрика, – пожал плечами Фомин. – Это по максимуму. Мы насадили наживку, забросили удочки. Остается только ждать.

– Ждать мы не можем.

– Я завтра же съезжу в Никольск, на его родину.

Краснопольский впервые за сегодняшний день испытал приступ мигрени. Из цеха в его кабинет доносился рокот смесителя, проникал запах метилового спирта и еще какой-то химии, от которой кружилась голова, а во рту дела-

лось сухо и кисло, будто проглотил лимон. На подмосковном заводе полимерных материалов Игорь Сергеевич арендовал эту административную пристройку и небольшой цех, где десяток рабочих расфасовывали в картонные коробки казеиновый в клей сомнительного происхождения. И еще в огромном чане из нержавеющей бодяжили и разливали в пластиковые канистры самопальный антифриз. Товар сбывали мелким оптом на рынках Подмосковья и соседних областей. Бизнес не то чтобы процветал, но и жаловаться грех, копейка в кармане оседала.

Около года назад, когда Приз выписался из строго мордовского санатория, он убедился, за последние пять лет жизнь ушла далеко вперед, а он безвозвратно отстал от веселого поезда. Бизнесмены, которые в прежние времена бегали за Призом на цирлах, платили ему за покровительство и защиту, теперь ни в чем не нуждаются. У них есть свои вооруженные до зубов парни из службы охраны. Бригады Краснополяского, состоявшая из спортсменов и уголовников, которой он руководил до посадки, контролируя несколько подмосковных городов и поселков, больше не существовало. Кто-то с концами уехал за границу, кто-то мочканули конкуренты, кто-то переметнулся в стан врагов, кто-то ссучился. Люди, с которыми Приз когда-то делал бизнес, шерстил лохов и коммерсантов, теперь даже не хотели вспомнить его имя. Большой пирог давно поделили, кровавые деньги отстирали, а ему, как мелкой доходной птичке, не оставили даже

мелких крошек.

Ни связей, ни влиятельных друзей. Трудно начинать с нуля, на голом месте, когда тебе под сорок. Небольшая квартира на окраине Москвы, несколько корешей, готовых трянуть стариной. Вот и все его козыри. Выйти из зоны и сразу же вступить в прямой конфликт с уголовкой, – вариант дохлый. Надо было завоевать в обществе какое-то положение, например, заделаться комерсом. С этим статусом легче решать собственные проблемы.

Деньги, заныканные на черный день, Приз разделил на две части. Одна половина – это НЗ на черный день. На другую половину он взял паленый бумер, прикупил несколько итальянских клифтов по штуке, свел самые заметные татуировки на внутренних сторонах ладоней и пальцах. Он постарался забыть блатные словечки, которыми обогатил свой лексикон на зоне, то оказалось не трудно, потому что Приз всегда считал воров неудачниками по жизни, синяками, презирал их законы. Он даже перечитал брошюрку «Этикет на все случаи жизни». Присмотрел в ближнем Подмосковье предприятие, едва сводившее концы с концами, арендовал этот заводской цех и административное помещение, нанял работяг. И вот теперь он генеральный директор какого-то там сраного АО, название которого без запинки и выговорить не может.

Приз ненавидел этот завод, казеиновый клей и левый антифриз, свой статус мелкого предпринимателя, но тешил себя надеждой, что дерьмо совсем скоро кончится. Ему не

нужно будет просиживать несколько часов в день в этом вонючим сортире, подмахивая всякие бумажки, и закрывать зарплату. Остается немного потерпеть, а там... За ближайшим поворотом откроются очень интересные виды и головокружительные перспективы. Совсем скоро, вспоминая этот клоповник, пропахший техническим спиртом, он будет лишь посмеиваться. Но сейчас надо решить небольшую проблему.

– Пожалуй, вместе поедem, – сказал Краснопольский. – Немного проветрюсь. А то засиделся в этой душегубке. Совсем заржавел. И рванем мы не завтра, а сегодня. Прямо сейчас.

Краснопольский вытянул руку и показал пальцем на бэжу, стоявшую за окном у трансформаторной будки.

– Или у тебя на сегодня другие планы?

– Мои планы ты знаешь, – ответил Фомин. – Хочу утопить этого щенка в сортире. А там видно будет.

К маленькому поселку с романтическим названием Большие Котлы мотоциклисты подъехали, когда солнце, клонившееся к закату, уже зацепилось за макушки деревьев, а с реки потянуло свежим ветерком. Пыльная грунтовка закончилась у околицы, дальше начинался разбитый асфальт, по которому так и не довелось проехать. Бобрик свернул в узкий

проулок между заборами, слез с мотоцикла и, открыв калитку своим ключом, провел спутников за старый приземистый дом, собранный из круглого леса еще в незапамятные времена. Здесь в тени старых яблонь, между пустым курятником и дровяным сараем, стояла «Газель», цвет которой под толстым слоем дорожной пыли трудно было угадать. Бобрик исчез за углом, вернулся с ведром колодезной воды, вложил алюминиевую кружку в руку дяди Димы.

– Здесь живет мой родственник, двоюродный дядька, – объяснил Бобрик, пока гости утоляли жажду и умывались с дороги. – Место тихое, дом на отшибе. В следующих по улице домах дачники живут до начала учебного года. Сейчас там никого. Дядя Леня целый день в механических мастерских отирается. На велеке туда ездит. Если нормально вмажет, домой ночевать не возвращается. А сегодня у работают что-то вроде аванса. Короче, чувствуйте себя свободно. Нас никто не увидит и не услышит.

Бобрик подошел к «Газели», покопавшись с замком, распахнул дверцы грузового отсека. Элвис залез внутрь, пересчитал продолговатые плоские ящики, лежавшие в два ряда, один на другом, – ровно дюжина. Поднял крышку первого ящика и сказал:

– Нет, я тут не могу. Ни хрена тут не видно. И жара, как в армейской прожарке. Ну, это такая штука при каптерке, где морят полезных насекомых. Вшей и клопов.

Он приподнял ящик за одну ручку, за другую схватился

дядя Дима. Когда груз вытащили из «Газели»и, поставив на траву, Радченко открыли крышку.

– Похоже на походный набор сантехника, – сказал он. – Две метровые трубы и еще какая-то хрень. А это, кажется, боевой снаряд или мина. Удобная вещь. Можно пригласить в гости любимую тещу и заложить эту трубу с миной в сортир. Спускаешь воду и...

– Это переносной зенитно-ракетный комплекс, для краткости ПЗРК, – угрюмо помотал головой Элвис. – Я прослужил в ВДВ в общей сложности четыре с половиной года. И мне попадались такие вещи. Эта модель разработана для удобства десантирования. Вот эти две трубы стыкуются, получается большой ствол. К нему прикрепляют боевую часть. В ствол загоняют вот эту, как ты говоришь, мину. Правильно сказать: самонаводящийся снаряд. Общий вес этой фигни в собранном состоянии около двадцати кило. Можно завалить любой самолет, военный или гражданский, на высоте не выше трех километров. Годится и для стрельбы по наземным целям. Можно поджечь даже тяжелый танк. Серьезное оружие.

Глава шестая

После минутной паузы Радченко сказал:

– Ну, я в десанте не служил, в руках такие хреновины не держал. Но в газетах читал, что мы с американцами подписали договор о совместном контроле за такими убойными штуками, ну, типа «Стингеров». Чтобы все кому не лень не сбивали самолеты. Моя специализация – уголовное право. Но никогда ни я, никто из моих знакомых, не вел дел, где фигурировали ПЗРК. Пистолеты и автоматы, – это семечки. Другое дело вот эта муйня. Я знаю два прецедента, где фигурировали такие вещи, людей судили по статье за хранение оружия и боеприпасов. Суды были закрытыми, по телеку репортажей не было, и в газетах ни слова, до сих пор неизвестны даже имена обвиняемых, обстоятельства их задержания и так далее.

– И что с того? – Бобрик хлебнул воды из ведра, присел на дубовую колоду, на которой дядя Леня, когда был трезвым, колот дрова. – За хранение оружия много не напаяют. Если судимостей нет, еще пару лет из срока вычтут.

– Сначала дослушай, – дядя Дима захлопнул крышку ящика. – Я все-таки адвокат по уголовным делам. У меня есть кое-какие источники информации. Помимо официальных. Но, по слухам, тем мужикам накрутили по двадцатке. Без права на амнистию или условно-досрочное освобождение.

ние. Просекаешь?

– Не совсем, – Бобрик поежился, хотя вечерним холодком еще не повеяло. – Куда это ты клонишь?

– К хранению оружия подсудимым довесили какую-то очень серьезную статью. Не грабеж, не разбой, даже не убийство. Что-то покруче. Скажем, диверсия или терроризм. И отбывать срок назначили даже не на зоне строго режима, а в крытой туланской тюрьме. Это такое веселое местечко на самом краю земли. Ближайший большой город Иркутск. Но до него семьсот верст. В тех гиблых восточных краях зимой до минут сорока. Летом жара, весной гнус заживо сожрет. Человек, проживший там более пяти лет, – большая редкость, местная достопримечательность. Раз в полгода одно письмо от родных, ни ларьков, ни посылок. Будешь сидеть на подсосе и доходить на бацилистой баланде.

– Меня пока никто не осудил, – Бобрик поскреб ногтями затылок. – Меня даже не арестовали.

– Все хорошее впереди, – усмехнулся Дима Радченко. – Короче, хранение этого набора водопроводчика – тот же самый смертный приговор. Только в рассрочку. И десять лучших адвокатов, которые по карману только самым богатым люди в Москве, тебя не отмажут. Срок не скостят ни на день. Сейчас любой бабе в черном платке, в сумочке которой найдут тротилковую шашку, суют червонец. А в этих ящиках столько тюремного срока, что на десятерых хватит. Теперь понял во что ввязался? Блядская ты жопа.

Элвис в одиночку поднял ящик, затащил его в «Газель» и захлопнул дверцы грузового отсека. Присев на траву, привалился спиной к стене деревянного сарая и, выдернув травинку, стал покусывать сухой стебелек.

– Двенадцать ящичков, – сказал Элвис. – Ни хрен собачий.

– В двух ящиках стрелковое оружие и патроны, – подал голос Бобрик. – Переносных ЗРК ровно десять.

– Я немного смыслю в саперном деле, – сказал Элвис. – Самый простой способ избавиться от этого подарка судьбы – ночью отогнать фургон подальше отсюда и взорвать. Но... Фрагменты ПЗРК, мелкие части, разлетятся в радиусе пяти-сот метров, не соберешь. И взрывы будут слышны далеко. Можно выкопать большую яму, взорвать «Газель» под землей. Но это тоже так себе вариант, сомнительный.

– А, по-моему, подходящий, – вставил слово Бобрик. – Отличный вариант. Взорвать под землей – самое то.

– Когда захочу узнать твое мнение, сам спрошу, – Элвис плюнул сквозь зубы. – Потребуется много времени и люди. Втроем нам не управиться. Да и все эти раскопки трудно провести, оставшись незамеченными. Кто-то обязательно увидит. За каждой такой ПЗРК охотится военная контрразведка. Место взрыва, разумеется, рано или поздно найдут. А дальше станут его искать исполнителей. И не успокоятся, пока не посадят всех нас. Затопить фургон негде. Даже если начнутся дожди и реки разольются, все равно крыша «Газели» будет видна с берега. Нужно придумать такой вариант,

чтобы машина и груз исчезли с концами. Навсегда, будто их и не было. Только так. Дядя Дима, у тебя есть светлые мысли?

— Только одна: бежать отсюда без оглядки, — честно ответил Радченко. — И забыть все это, как сон. Как утренний туман.

— Ты подумай, дядя Дима, — попросил Бобрик. — Подумай, пожалуйста.

Радченко вытащил мобильный телефон, набрал номер и, услышав голос Ларисы Демидовой, сказал в трубку:

— Вы нас не ждите. Все оказалось немного сложнее, чем я думал. Да, да... Я постараюсь. Честное слово. Ну, могла бы и не спрашивать. Разумеется, помогу. Только Лену в Москву заберите. Не оставлять же ее в придорожном пивнаре. У нее есть ключи от квартиры Элвиса. Хорошо. Будем держать связь.

Радченко побродил возле дома, на ходу потирая ладонью небритые щеки и подбородок. Звук выходил приятный, будто рыбацкая лодка шла камышами по реке. Остановившись, он вытащил из кармана заявление Бобрика в прокуратуру, повернул колесико зажигалки и поднес оранжевый огонек к листкам. Когда пламя принялось веселее, бросил бумагу на землю, подождал, когда она догорит, и растер пепел подметкой башмака.

Дядя Дима посмотрел на Бобрика снизу вверх.

— Ну, чего молчишь? Ты пока не на допросе. Рассказывай,

только не ту полуправду, что ты наколякал на бумаге. Давай полностью, как было дело.

Присев на колоду, Бобрик коротко рассказал о событиях той памятной ночи.

Минут через после того, как они с Петькой, оседлав мотоциклы, газанули подальше от места своей неудачной ночевки, стало ясно, что погони нет и не предвидится. Увидев указатель с названием населенного пункта, промчались еще версту, съехав с дороги, остановились у забора, за которым виднелся вросший в землю дом с темными окнами. На улице огни погашены, вокруг ни души, даже собаки не тявкают. Бобрик вытащил из кофра, расстелил на земле карту автомобильных дорог. Посветил фонарем и ткнул пальцем в бумагу.

Вот место, где они остановились, эта самая деревня. А вот автомобильная трасса, которая ведет к Сергиевому Посаду. Надо рвануть по проселку, напрямик, тогда запросто сэкономим минут десять. А дальше по прямой. Если поторопиться, в Сергиев Посад они прибудут раньше тех парней, которые собирались что-то забрать из подвала. Как-никак у них фургон, груженный тяжелыми ящиками, тачка не слишком шустрая. Только к утру до места докатит, не раньше. Короче, на мотоциклах конкурентов можно обставить в два счета.

«Как ты думаешь, что там? – голос Бобрика сделался глухим и хриплым. – Ну, в этом погребе? – и сам себе ответил. – Деньги Что же еще? И капусты там столько, что...» Что на двух козлов хватит, – продолжил мысль Петька. – И еще останется. Боюсь, что тем парням не очень понравится, что их обчистят". «Мы обчистим не их, – уточнил Бобрик. – Деньги принадлежали тому мужику, которого пытали и грохнули. А искать нас станут по-любому. Мы свидетели убийства, к тому же засветились. Весь вопрос, как мы выйдем из этой истории. Богатыми или голыми. С деньгами легче прятаться».

«А если эти хмыри приедут к тому дому быстрее, чем ты рассчитываешь? – Петька, вспомнив сцену кровавой расправы, передернул плечами. – Тогда и нас с тобой порубят на корм собакам». «Я вот чего думаю: сейчас они трясутся не меньше нашего, – Бобрик спрятал карту и фонарик в кофре. – Человек перед смертью называет своему убийце место, где держит деньги. А разговор слышат чужие люди. Что делает преступник? Садиться на тачку и мчится по адресу? Глупо и даже не смешно. Возможно, там его уже ждет ментовская засада. Это все равно, что себе приговор подписать. Двести процентов: они в тот дом не сунутся. До той поры, пока не убедятся, что гостей из ментуры нет и не было. А на разведку нужно время. День, два... Или целая неделя».

«Если бы все люди жили по законам логики. Но все происходит с точностью до наоборот, – в душе Петьки здравый

смысл боролся с молодой дурью, побеждала дурь. – Может, монету бросим? Орел – делаем по-твоему». «Если ты станешь кидаться монетами, я поеду один, – твердо заявил Бобрик. – А ты оставайся с хреном и вступай в профсоюз при-дурков. Завтра я приеду на новом Харлее и насыплю тебе мелочи, заплатить взносы. Эх, ты... Может быть, это единственный в жизни шанс сорвать крупный бак. И в этот момент ты промочил любимые штанишки».

Вскоре они выскочили на трассу, а через час с четвертью оказались на дальней окраине Сергиева Посада. В конце улицы горел единственный фонарь, вместо асфальта сплошные колдобины. Глухой забор, запертые калитка и ворота, на углу прибитая ржавая табличка с названием улицы и номером дома. Значит, они попали по адресу. Бобрик, встав на седло мотоцикла, забрался наверх, прибрoсил ноги на другую сторону и протянул руку Петьке. Перекладина забора, готового завалиться на сторону, жалобно заскрипела. Спрыгнув вниз, Бобрик выхватил из кармана выкидуху. Щелкнула кнопка, в темноте блеснула обоюдоострая заточка клинка. Не ровен час хозяин дома в свое отсутствие спускал с цепи пса, готового вырвать глотку любому чужаку.

Но слышен только стук сердца и дыхание Петьки, спрятавшегося за березу. Кажется, собака Баскервилей здесь не бегают. В просветах между старыми деревьями темный абрис высокого дома с мансардой. У ворот стоит «жигуленок» с мятыми боками и грузовой фургон «Газель». Постучали в

окно, — тишина. Петька, смочив в луже промасленную тряпку, поднялся на крыльцо, приложил ткань к стеклу веранды, долбанул кулаком и через минуту открыл дверь с обратной стороны. Сколько не принохивайся, не услышишь человеческих запахов, темнота такая, что тусклый свет фонарика не спасает положения. Пришлось врубить верхний свет. Крышки погреба не видно. Пыль, паутина и полное запустение, будто люди не жили здесь годами. Скатали в рулон половик, отодвинули в сторону пожелтевший от времени холодильник. Люк погреба с железной скобой оказался именно здесь, в дальнем углу веранды.

Гудков нашел молоток и два удара сбил с петель хлипкий замок. Перекрестился на удачу, по лестнице спустился вниз и врубил свет. «Чего там?» — крикнул сверху Бобрик. «Целый мешок, как ты и говорил. И еще два ящика, — взволнованным голосом ответил Гудков. — Мешок гнилого лука. В ящиках пустая посуда. Сдадим — хорошие деньги получим. На Харлей наскребем и еще останется. Все как ты обещал». Не долго думая, Бобрик полез следом. Подвал оказался таким глубоким и вместительным, что в нем можно было пересидеть атомную бомбардировку. Стены выложены красным кирпичом, перекрытия из обтесанных бревен, пол залит бетоном. Пахнет сыростью и плесенью, тусклая лампочка предательски мигает, готовая сдохнуть и оставить друзей в кромешной темноте. На деревянных стеллажах пустые банки и бутылки из-под водки с выцветшими этикетками. Под лестницей сва-

лены мешки с полусгнившим луком и еще какой-то дрянью.

Бобрик посветил фонариком по углам, отбросив в сторону пустые картонные коробки и сырую мешковину, наклонился. «Здесь, вот оно»— прошептал он и присел на корточки перед составленными один на другой деревянными ящиками армейского образца, в каких хранят снаряды крупного калибра. В эту секунду он явственно услышал шелест новеньких купюр, эта музыка лучше рок-н-ролла. Но играла она недолго, ровно до той секунды, когда Бобрик расстегнул карабинчики замков и поднял крышку верхнего ящика. Жалобно скрипнули петли, в желтом световом круге он увидел несколько пистолетов Макарова в заводской смазке, пулемет двенадцатого калибра и пять-шесть автоматов.

«Помогай», – крикнул он Петьке. В четырех нижних ящиках оказались трубы длиной около метра, серо-желтого цвета, вроде тех, что видели в сарае. «Ты понял, что это такое?»— спросил Петька. «Ясный хрен – оружие, – ответил Бобрик. – Что за оружие и как оно действует, позже разберемся. Значит так: жди здесь, а я наверх. Если „Газель“, которая стоит у ворот, на ходу, вывезем отсюда все это дерьмо». Гудков, настроенный загрести целый воз денег, еще не оправился от разочарования. Он был готов пустить мутную слезинку: «Куда вывезем? И зачем? На кой хрен нам все это упало?» Не за-

давай мудных вопросов, умник, – огрызнулся Бобрик. – Глубокой ночью я не способен до трех сосчитать. Сначала мы заберем все это, а потом уж сообразим, что делать дальше. И не беспокойся за всю херню".

Он выскочил из подвала, прихватив молоток, добежал до ворот, сбил замок и стал копать в кофре мотоцикла. Через пару минут вернулся к «Газели», постучал носком башмака по покрывкам, при помощи металлической линейки открыл дверцу. Распатронив приборную панель, вырвал провода из замка зажигания, соединил их. Движок, чихнув, завелся. Бензина полный бак, тачка на ходу. Еще минут пять Бобрик, повесив фонарик на ветку дерева, возился с замком грузового отсека.

Не заглушив мотор, он метнулся к дому, в подвале Петька уже сам перетащил к лестнице ящики. Оставалось поднять их наверх, вынести на двор и закинуть в фургон. Возле веранды нашли широкую доску, по ней закатали в грузовой отсек оба мотоцикла. Бобрик сел за руль, вывел «Газель» на дорогу, дождался, когда Петька управится с воротами. «Мы свет забыли выключить на веранде, – вспомнил Бобрик, когда свернул за угол, а фургон покатился под гору. – Вернемся?» Возвращайся, – равнодушно кивнул Петька. – Раньше я думал, что ты просто упертый чувак. А ты совсем без мозгов. Куда мы премся? В ментовку или сразу на кладбище?".

На трассе остановились возле магазина, открытого днем и ночью, Бобрик вернулся к фургону с пакетом, набитым хар-

чами, решив, что к двоюродному дяде, с которым не виделся пару лет, неудобно приезжать с пустыми руками. Петька, свесив голову на грудь, сопел на пассажирском сидении: все ужасы надежды и обломы прожитого дня переродились в глубокий сон. Он открыл глаза, когда «Газель» уже въехала на сельский двор, створки ворот закрылись, в свете фар стал виден кособокий домик с резными наличниками и какой-то долговязый сутулый мужик в куцем пиджаке, надетом на голое тело. Мужик, хватая Бобрика за плечи, прижимал к себе, тыкался в него мордой, заросшей пегой щетиной, и скалил порченные табаком зубы.

Петька вылез из кабины размять занемевшие ноги и едва уклонился от объятий того небритого мужика, двоюродного дяди Бобрика. От родственника несло свежим перегаром, словно он квасил еще с вечера. Предложение отметить встречу за семейным столом вежливо но твердо отклонили. Бобрик передал родственнику сумку с харчами, расстригав дядю, сроду не получавшего гостинцев, до слез. Отогнал «Газель» за дом, подальше от людских глаз.

Из грузового отсека выкатили мотоциклы и помчались в обратном направлении, уже на шоссе заметили, что близится рассвет: темно-синее небо стало светлеть, луна спряталась, а звезды померили. Дверь поселкового отделения милиции мотоциклистам открыл прапорщик Олег Гуревич. Бобрик выступил вперед и заявил, что он готов сделать заявление особой важности, дело касается тройного убийства, случив-

шегося в нескольких верстах отсюда, в заброшенном сарае.

– Теперь вы все знаете, – сказал Бобрик. – По дороге в ментовку мы Петькой Гудковым взвешивали все варианты. Думали, как поступить. Рассказать ментам об этом оружии или утаить все ночные похождения. Я не ваю на Гудкова, как живые перекладывают вину на мертвых вину. Я сам во всем виноват. Но это его идея, промолчать об оружии. Он сказал, мол, на нас еще наедут те парни из сарая. Найдут как пить дать. А у нас их арсенал. Можно будет поторговаться, нас не грохнут до тех пор, пока оружие с нами. Ну, что-то вроде страховки. А я не стал спорить. Тогда мне эта идея показалась разумной. Но Петьку все-таки грохнули. Значит, в наших расчетах была ошибка.

– Пойдемте в дом, – сказал Элвис. – Ключ у тебя?

Дима Радченко встал с дивана, отряхнул с джинсов коша-чью шерсть. Подошел окну, выходившему на задний двор. С этой позиции хорошо видны «Газель», ровная плоскость забора и часть деревянного сарая: высокое оконце и дверь на за-вертке. Он отошел от окна, долго разглядывал черно-белые фотографии в самодельных рамках, висевшие на стене, заси-женную мухами бумажную икону Казанской Божьей матери. Элвис молча курил, стряхивая пепел в банку из-под килек.

Радченко включил свет, задернул занавески, присев к сто-

лу.

– Есть еще один вариант, – сказал Элвис. – Ничего не надо взрывать, закапывать или топить. Отгоним фургон в ближайший город, поставим перед местным управлением ФСБ и звякнем дежурному. Мол, проверьте Газель, которая стоит у вас под носом. Так мы избавимся от оружия, но посадим себе на хвост чекистов. Нас, разумеется, будут искать. Но есть шанс, что не найдут.

– Это не вариант, – покачал головой Радченко. – Наклюнулась другая идея. Слушайте сюда.

Радченко, постукивая пальцами по столешнице, изложил свой план. Проблема даже не в том, чтобы избавиться от фургона и груза. Проблема в том, как вытащить Сашку Бобрिका живым из этой переделки. Судя по всему, люди, реальные хозяева оружия, пока не догадываются, в чьи руки оно попало. Иначе Петьку Гудкова допросили бы перед смертью, а затем уж нагрянули сюда, в деревню к дяде Лене, чтобы забрать свое добро. О том, сколько стоит вся эта музыка из «Газели», остается только догадываться, возможно, на ПЗРК нашелся покупатель, который дает за них конкретные деньги. Поэтому искать оружие его хозяева будут упорно и настойчиво. Одновременно они сделают все, чтобы найти Бобрिका, избавиться от опасного свидетеля.

О Сашке им известно много чего: место работы – автосервис в Жулебино, место жительства – строительное общежитие. Наверняка за сервисом они установили наблюдение,

а среди обитателей общаги купили осведомителя. Как только Бобрик появится там или назначит встречу знакомому, чтобы забрать вещи и деньги, его прихлопнут на месте. Но Сашка не ходит на работу уже три дня, у тех парней наверняка кончается терпение, они понимают, что ждать дальше нет смысла. Пора переходить к активным поискам. Можно просчитать, как в шахматной партии, несколько вынужденных ходов, которые совершат Фомин или его люди. Прежде всего, они станут искать родственников Бобрика, съездят в тот городок, где Сашка вырос и откуда приехал в Москву. Разумеется, ткнуться в частный дом, где несколько лет назад жил Бобрик с отцом, потому что деваться Сашке некуда, он наверняка должен вернуться на родину.

Но в том доме давно живут посторонние люди. Фомин, ясно, будет разочарован, он рассчитывал найти концы, а вместо этого одни обломы. И вот тут его ожидает сюрприз. Нынешние обитатели дома передадут гостю письмо, которое для них оставил незнакомый человек. В конвенте листок и несколько слов от Бобрика. Сашка сообщает, что в его руках находится ценный груз, который Фомин ищет. Бобрик готов вернуть все содержимое «Газели»Фомину, если тот сделает ответный дружеский жест. Заплатит наличными сто тысяч баксов и навсегда забудет о существовании Бобрика, не станет его искать. Если Фомин согласен на обмен, пусть звонит по телефону, указанному в конце письма. Если предложение его не заинтересовало... Что ж, тогда Бобрик не получит де-

нег, а Фомину не видать груза.

Контракт на мобильный телефон оформлен по подложному паспорту, владелец которого уже полгода как сыграл в ящик. Поэтому вычислить Бобрика по мобиле не получится. Фомин обязательно позвонит, потому что от такого предложения никто не сумеет отказаться, да и выбора у него не останется. Разумеется, Фомин немного поторгнется, поворчит, наконец, согласится и уточнит условия передачи груза и денег.

Дима Радченко работает в солидной юридической фирме и время от времени, когда нет возможности увидеться с клиентами в офисе или общественных местах, ведет переговоры на съемной квартире в районе Волгоградского проспекта. Хату оплачивает фирма «Саморуков и партнеры». Квартира – обычная девушка с минимальными удобствами и допотопной мебелью, окна выходят на платную автомобильную стоянку, где у Димы есть свое место. На эту стоянку они помещают фургон «Газель». Затем приходят в общественную приемную ФСБ и бросают в ящик для писем анонимку, в которой неизвестный доброжелатель информирует чекистов о месте, где, по его данным, бандиты держат опасное оружие. Гэбэшники устанавливают слежку за стоянкой.

По телефону Бобрик сообщает Фомину адрес стоянки, где находится грузовик и говорит, что часть груза уже находится в «Газели». Так сказать, делает жест доброй воли, нечто вроде подарка, бесплатно, без всяких условий возвращает,

скажем, четыре ящика с установками ПЗРК. А за остальные ящики придется заплатить сто штукарей. Когда преступники пытаются забрать свое имущество, их принимают чекисты. За ходом операции можно следить из окна съемной квартиры. Скоро все закончится, и Бобрик сможет жить дальше, не опасаясь ночного звонка в дверь или пули в темном подъезде, потому что хозяева оружия вряд ли выйдут на волю. Это простой план без всяких выкрутасов, поэтому все должно сработать. Чтобы все закруглить, потребуется дней пять или около того. Еще нужны люди, в деле должны принять участие все, кто сегодня в пивной «Водокачка» читал опус Бобрика, включая Эдика Иностранца и Ларису Демидову.

Первое, что надо сделать, сегодня же перевести Бобрика в надежное место, где он пересидит несколько дней. У Элвиса есть хороший знакомый, заместитель директора лесничества, он не откажет в просьбе на время приютить парня на дальнем кордоне в сторожке у реки, место глухое, в полтора сотнях километрах отсюда.

– Придется иметь дело с крутыми парнями, – подвел итог Радченко. – Но и мы не лохи. Никакого героизма не требуется. Кто чем займется, договоримся отдельно. Самая опасная – перегнать Газель из этой деревни в Москву. В пути грузовик наверняка тормознут менты. Поэтому нужны хоть ка-

кие-то документы. Путевой лист, накладные. Если возникнут сложности – надо сунуть в лапу ментам еще до того момента, когда они попытаются открыть грузовой отсек. Все остальное – семечки.

– Я насчет денег не понял, – сказал Бобрик. – Я думаю, назначать выкуп за груз – это лишнее. Сообщим Фомину, где стоит «Газель», и кранты. Я думаю...

– Тебе думать вредно, – раздраженно махнул рукой Радченко. – Когда ты начинаешь думать, происходит поганка. Поэтому от интеллектуальной работы я тебя освобождаю. А бабки ты должен потребовать, чтобы вся эта бодяга выглядела достоверно. Прикинь, с чего это вдруг ты, рискуя жизнью, уводишь из-под носа Фомина эти ящики? А потом их возвращаешь и спасибо говоришь. Где тут логика и здравый смысл? Ясный хрен, ты хочешь содрать хорошие бабки. В этом случае все становится на свои места: тобой движет шкурный интерес.

– А если он откажется платить? Сто штук это... Многовато.

– По моим прикидам, каждая пусковая установка стоит не меньше ста пятидесяти тысяч. А люди, которым эти штуки нужны для конкретного дела, заплатят вдвое, втрое дороже.

– Было бы больше времени, дядя Дима наверняка придумал что-то совершенно гениальное, – Элвис поднялся на ноги. – Но времени нет. Поэтому принимаем этот вариант. Я прямо сейчас отвезу Бобрика на кордон к своему леснику.

Вернусь в Москву, а потом снова на кордон. Заброшу туда Ленку. В моей квартире она не может спать ни днем, ни ночью. Ей кажется, что придет братва из того сортира, откуда я ее вытащил. Меня замочат, а ей отстрелят сиськи.

— А она девочка с фантазиями, — засмеялся Радченко. — Отстрелят сиськи...

— Пусть Ленка несколько дней поживет на природе, — сказал Элвис. — И Бобрику не будет скучно. Сегодня переночую на кордоне, завтра чуть свет перегоню Газель на автомобильную стоянку. А потом на мотоцикле дерну в город, где провел детство и отрочество Боб. Отвезу письмо и прослежу за тем, чтобы оно попало в руки Фомину или как там его.

Глава седьмая

Дом Саши Бобрика в Никольске оказался самым богатым на всей улице. Из-за трехметрового кирпичного забора, по верху которого хозяева установили заточенные арматурные прутья и пустили колючку, виднелась широкая мансарда с летним балконом и двускатная крыша, крытая оцинкованным железом. БМВ Краснопольского остановилась у калитки, сваренной из железных листов, посередине которой темнела прорезь почтового ящика и красовалась надпись, выведенная по трафарету: «Осторожно. Злая собака». Прочитав про собаку, Фомин, занимавший переднее пассажирское сидение, вытащил пистолет из внутреннего кармана пиджака и, передернув затвор, сунул его под брючный ремень.

Спутники остановились, подергав запертую дверь, догадались нажать на кнопку звонка. Ждать пришлось долго, наконец лязгнула задвижка, на улицу высунулась бритая налысо башка какого-то верзилы, одетого в линялую майку без рукавов. Малый, внимательно осмотревшись по сторонам, задержал взгляд на дорогой машине и, что-то смекнув про себя, вежливо спросил по какому делу пришли гости и кто они.

– Ты хозяин? – спросил Фомин. – Надо пошептаться.

После долгих расспросов выяснилось, что хозяйка дома некая Валентина Марковна Белова, женщина, уважаемая во всей округе. Саша Бобрик здесь действительно прописан, но

не проживает. И где он находится, никто не знает. Приз сказал, что не уйдет отсюда, не поговорив с хозяйкой. Молодому человеку хотелось захлопнуть калитку перед посетителями, но он не решился. По всему видать, мужики солидные, приезжие, потому что в их городе машин наподобие этой всего две, и принадлежат они местным авторитетам.

– Минуточку.

Молодой человек улыбнулся, закрыл дверь на щеколду и убежал на доклад. Приз переминался с ноги на ногу и со злостью думал, этими хоротами владеет какая-нибудь немытая цыганка, торгующая наркотой, или жена местного водочного короля, разливающего по бутылкам паршивый суррогат. Вокруг одни лачуги, а тут дворец каменный. Фомин молча вздыхал и платком вытирал влажный лоб. Молодой человек вернулся через пару минут, пустил гостей на участок и по дорожке, выложенной разноцветными плитами, провел в беседку за домом. Из-за стола поднялась средних лет простоволосая женщина в домашнем халате, непохожая на цыганку, и слишком невзрачная, чтобы составить счастье жизни спиртовому королю. Поздоровавшись, усадила гостей вокруг стола, спросила не жалеют ли они чая с дороги. Краснопольский вежливо отказался. Он представился бизнесменом из Москвы и назвал Фомина своим помощником и правой рукой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.